

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ
•
МАФИЯ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Безуглов

Мафия

«Центрполиграф»

1990

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

Безуглов А. А.

Мафия / А. А. Безуглов — «Центрполиграф»,
1990 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-9524-5381-4

Следственная группа пытается навести порядок в южном курортном городе. Распутывать клубок жестоких преступлений сложно и опасно, в городе орудует мафия. Все осложняется тем, что в деле замешаны «большие» люди. Следы ведут в следственные органы, в кабинеты крупных чиновников...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9524-5381-4

© Безуглов А. А., 1990
© Центрполиграф, 1990

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Безуглов

Мафия

Часть первая

Южноморск изнывал от жары. Все – коренные жители и курортники – стремились к спасительной воде, на пляжи, напоминающие вавилонское столпотворение.

К морю направлялась и неприметная с виду «Волга», в которой помимо водителя находилось еще трое мужчин. Однако купание их не интересовало. Вырвавшись на окраину города, машина помчалась вдоль крутого, обрывистого берега, заросшего буйной субтропической растительностью. Места тут были дивные и безлюдные. И уж вовсе сказочным видением открывался вдруг перед взором небольшой замок с башенками, неведомо как прилепившийся на скале, омываемой теплыми волнами.

Ныне в этом дворце размещался кооперативный ресторан «Воздушный замок».

– Все запомнили, мужики? – спросил у пассажиров водитель.

– Об чем речь, Сэр, – усмехнулся тот, что сидел рядом. – Чай, не впервые замужем.

Сэр – а это была кличка шофера – и впрямь выглядел как английский джентльмен: стройный, спортивный, с интеллигентной внешностью.

– Повторенье – мать ученья, – оборвал он сурово и, повернувшись к сидящим сзади, продолжил: – Ты, Муха, сразу в зал. Борода управится с телефоном – и туда же...

Названный Мухой никак не походил на крошечное летающее насекомое – косая сажень в плечах. Под стать ему был и Борода. Оба молча кивнули.

– Ну а ты, Боцман, – закончил водитель, обращаясь к сидящему рядом, – появишься у Сурена ровно через десять минут.

– Доставим сюрприз минута в минуту, – осклабился Боцман.

Он был самым здоровенным из всех.

«Волга» свернула к «Воздушному замку». Водитель надел темные очки. Его примеру последовали остальные.

Как только Сэр заглушил двигатель, к машине устремился сторож платной стоянки. Старик, но еще довольно крепкий. Он заметно припадал на одну ногу. Лацкан его пиджака украшал орден Отечественной войны. Для придания, видимо, солидности и надежности охраняемому им объекту.

– Пожалуйста свой лимузин к нам, – вежливо показал сторож на огороженную площадку. – Как говорится, береженого Бог бережет...

– Спасибо, папаша, сами обережемся, – так же вежливо ответил Сэр. – Да и ненадолго мы.

– Ненадолго, сынок, не получится, – усмехнулся бывший вояка. – От нас не хотят уходить, пока не закроемся...

В обязанности сторожа, наверное, входила и реклама ресторана.

Приехавшие больше не обращали на старика никакого внимания, и он заковылял на свой пост – в будочку у ворот стоянки.

На ней находилось десятка полтора машин, говорящих о том, что посетителей сегодня немало. Хотя, глядя на игрушечный дворец, трудно было предположить, что ресторан работал – наглухо закрытые окна и двери, ни единого звука не доносилось изнутри. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь стрекотаньем цикад и шепотом прибоя.

Боцман остался в «Волге», а Сэр, Муха и Борода направились в «Воздушный замок».

Всякого, кто заходил туда, поражал контраст – снаружи яркий душный день, а здесь прохлада, уютный полумрак и негромкая музыка, которая не могла пробиться на волю сквозь толстые стены зала, декорированного под волшебное подземелье. Тут словно царила вечная ночь.

На небольшой эстраде «а-ля грот», подсвеченной голубым сиянием, несколько девушек кружились в восточном танце. Стройные молодые тела, почти ничем не прикрытые, изгибались в такт томной мелодии, зачаровывая своей грацией и чувственностью.

Муха, занявший пустой столик, так и раскрыл рот от такого зрелища. Но очень скоро к нему присоединился Борода и ткнул приятеля в бок...

Завораживающий ритм, созерцание юных красавиц, пряные блюда, выпитое вино и полумрак создавали обстановку интима, порождая вполне определенные желания.

Весь зал отдался кайфу, который, казалось, ничем нельзя было прервать.

И вдруг нега и наслаждение разлетелись в клочья – то упала официантка, с грохотом уронив поднос. Во все стороны разлетелись тарелки с купатами, долмой, шашлыком, салатами. В довершение всего разорвалась, как бомба, бутылка шампанского, обдав ближайшие столики пенной влагой и осколками стекла. Сидевшие за ними мужчины вскочили с мест, раздался женский визг.

К месту происшествия бросился метрдотель.

– Он специально! – завопила поднявшаяся с пола официантка, тыча пальцем в Муху. – Он ногу подставил!..

Разъяренный метрдотель бросился на виновника, но от могучего удара Бороды отлетел на несколько шагов, сбивая по пути столики и посетителей. На помощь администратору подбежал один из официантов, однако был встречен пудовым кулаком Мухи и, падая, увлек за собой еще один столик. Двое мужчин, возмущенные тем, что остались без своей шикарной еды и питья, решили наказать дебошира, но вмиг очутились на полу.

В драку ввязывались все новые и новые люди, так что через минуту зал напоминал сцену из американского кинобоевика: звенела разбитая посуда, с треском разлетались стулья, слышались глухие удары, стоны, вопли и визг. Кто кого бил, понять уже было невозможно.

Пока только не хватало револьверных выстрелов.

Тем временем Сэр находился в кабинете директора «Воздушного замка» Сурена Ованесовича Карапетяна.

– Я ведь при первой нашей встрече предупреждал, дорогой Сурен, – с укоризной качал головой «джентльмен». – Не согласишься – повторим представление...

Карапетян, бледный, с каплями пота на лбу, прижимал к груди трясущиеся руки.

– Где я возьму десять тысяч?

– Уже не десять, а двадцать, – поправил Сэр.

– Тогда ты говорил – десять...

– Плюс штраф, – развел руками «гость». – А в следующий раз будет сорок... Не считая, разумеется, пяти тысяч, которые ты будешь отстегивать нам ежемесячно... И заживешь, как у Христа за пазухой.

– Ну поймите, нету! – оправдывался Карапетян, вздрагивая от грохота баталии, доносившегося из-за двери. – Все свои сбережения сюда всади. У родственников, знакомых занял!.. Да еще ссуда!.. В долгу, как в шелку, честное слово...

Тут в кабинет ворвался взлохмаченный мужчина.

– Кто директор? – закричал он.

Сурен Ованесович ответить не успел – Сэр вскочил с кресла и резко ударил ногой в пах тому, кто помешал беседе.

Мужчина сдавленно охнул и, согнувшись пополам, вывалился из комнаты.

Воспользовавшись тем, что Сэр отвлекся, Карапетян схватил трубку телефона. Но сколько он ни дул в микрофон и ни стучал по рычажку, аппарат безмолвствовал.

Сэр хотел уже воротиться на место, но дверь снова отворилась. В проеме стоял все тот же гражданин, пошатываясь и обхватив рукой живот.

Сэр спокойно вынул из кармана пистолет и выстрелил в настойчивого посетителя.

Карапетян в ужасе закрыл глаза, а когда открыл, мужчина не то рыдал, не то хохотал. В таком состоянии он и исчез в беснующемся зале.

Сэр, спрятав оружие, закрыл дверь и опять устроился в кресле.

– Мы теряем время, – посмотрел он на часы.

– Дай хоть стать на ноги, – умоляюще произнес директор.

В его глазах метался ужас от только что увиденного.

Но его ждало еще более сильное потрясение. В кабинет ввалился Боцман с огромным мешком на спине. По знаку Сэра он свалил ношу на диван. И когда высвободил содержимое из мешка, Карапетян покачнулся. Казалось, вот-вот упадет в обморок.

Перед ним лежала дочь со связанными руками и ногами, с кляпом во рту. Его любимая пятнадцатилетняя Карина. Глаза ее были закрыты, волосы разметались по дивану.

– Карина! Джаникс! – прошептал потрясенный отец, рванувшись к дивану.

Но его перехватил Сэр.

Девушка открыла огромные черные глаза, и слеза скатилась со щеки.

– Что с тобой сделали, джаникс?

– Еще не сделали, – холодно ответил Сэр. – Но если сейчас же не выложишь деньги на стол – сделаем!.. Созрела уже для хорошего урока секса. Можно и группового... Ну? Выбирай. Считаю до пяти... Раз... Два... Три...

Боцман одним рывком сверху донизу разорвал на девушке платье.

Карапетян мешком свалился на пол...

Я разговаривал по междугородному телефону, когда на столе вспыхнула лампочка, то моя секретарша Оля давала знать, что звонят по другому, из города. Разговор у меня был важный и несколько затянулся. Я закончил его, и тут же на пороге кабинета появилась страж моей приемной.

– Какой-то корреспондент рвется, – пояснила она.

– Слушаю! – снял я трубку.

– Что у вас творится в городе?! – прорвался сквозь треск возмущенный мужской голос.

– Кто говорит?

– Ляпунов!

Ответить я не успел – послышались короткие гудки.

Ляпунов больше не позвонил. Я забыл бы о его звонке, если бы не сводка происшествий за сутки, которую мне доставили по обыкновению на следующий день из областного управления внутренних дел. Сутки как сутки, оперативная обстановка была не хуже и не лучше, чем предыдущие. Опять много квартирных краж. Прямо какая-то эпидемия. И не только у нас – по всей стране. Хулиганство растет...

Из тяжких преступлений: изнасилование, два разбойных нападения с применением огнестрельного оружия, одно убийство.

Последнее меня насторожило. Произошло в Южноморске среди бела дня. Труп был найден в телефонной будке. Убили мужчину выстрелом в голову.

Вспомнился вчерашний звонок, почему-то прерванный. А что, если?..

Я позвонил прокурору города Гарбузову. Подробностей убийства он пока еще не знал, а следователя, выезжавшего на место происшествия, в прокуратуре не было – отбыл по делам. Я рассказал Гарбузову о Ляпунове, его странном поведении.

– Хорошо, Захар Петрович, – сказал прокурор города, – примем к сведению...

Не успел я закончить разговор с Гарбузовым, как мне позвонил начальник областного УВД Рунов. Голос у генерала был одышливый, словно он только что преодолел тяжелый

подъем. Он был грузноват и все мечтал сбросить десяток-другой килограммов веса. Жаловался, что никакие диеты не помогают...

– Захар Петрович, ЧП в «Снежке» помнишь? – спросил Анатолий Филиппович.

– Конечно.

Недавно сгорел павильон прохладительных напитков и мороженого под названием «Снежок», принадлежавший кооператорам. Он находился на бойком месте – на пляже. Насколько мне было известно, это был несчастный случай – пожар возник из-за неисправной электропроводки...

– Так вот, – продолжал начальник областного УВД, – установлено, что павильон подожгли.

– Конкуренты?

– Да нет, сами кооператоры руку приложили. Взяли, понимаешь ли, приличную ссуду, расхапали все доходы и решили спрятать концы в воду. А вернее – в огонь.

– Смотри-ка! Раньше такими аферами занимались дельцы из госсектора, а теперь, выходит, и кооператоры туда же.

– Переняли, так сказать, опыт.

– Послушай, Анатолий Филиппович, – вдруг осенило меня, – тут в сегодняшней сводке упоминается о происшествии в «Воздушном замке», кооперативном ресторане. Может, они тоже просто хотят списать свои грехи на хулиганов?

Рунов некоторое время помолчал, обдумывая мои слова.

– Будем разбираться, – наконец сказал он. – Подключим к расследованию ОБХСС... Прослежу лично.

– Если подтвердится, дай знать.

На этом наша беседа была закончена.

Донат Максимович Киреев, майор, начальник городского ОБХСС, прибыл в морской порт, когда красавец теплоход «Абхазия» уже пришвартовался и пассажиры готовились сойти по трапу. В руках у майора алел пышный букет роз.

Прибывшие на теплоходе смешивались с толпой встречающих... Поцелуи, счастливые возгласы, дружеские похлопывания...

Наконец на пирсе показались те, ради которых и приехал Киреев, – долговязый молодой человек в белой кепочке с длинным пластмассовым козырьком, шортах и рубашке, похожей на распашонку, сандалиях. Рядом с ним шла миловидная девушка в свадебном платье-балахоне и шляпе с большими полями. Молодая пара протиснулась сквозь толпу и направилась к выходу.

– Сева! – окликнул молодого человека майор. Тот оглянулся и, узнав Киреева, бросился ему навстречу. Мужчины обнялись, как старые добрые друзья.

– Таня, – представил Сева майору подошедшую спутницу. – Моя жена.

– Ужель та самая Татьяна? – процитировал с улыбкой Киреев и торжественно вручил ей цветы.

– Та самая, – засмеялась молодая женщина, растроганная вниманием.

– А это Донат Максимович, – сказал Сева. – Тоже тот самый...

– Наконец-то могу поздравить вас лично, – с чувством произнес майор. – Желаю всяческих радостей...

Они вышли на площадь перед портом, где ждала служебная «Волга» Киреева с антенной на крыше. Шофер почтительно поздоровался с приезжими, определил их чемоданы в багажник, церемонно усадил на заднее сиденье, захлопнул дверцу за шефом и тронул.

– Ну, как свадебное путешествие? – поинтересовался Донат Максимович, оборачиваясь к гостям.

– Отлично! – отозвался Сева. – Татьяну, правда, немного укачало.

– Когда мы в шторм попали, – пояснила молодая женщина. – Но зато впервые я увидела смерч. Самый настоящий! – Она округлила глаза. – Такой огромный столб воды! Прямо до неба!..

Ехали быстро. Гаишники знали машину начальника ОБХСС города и делали вид, что не замечают, когда она нарушала правила движения.

– Вы уж простите, ребята, – сказал Киреев, – что не был на вашей свадьбе. А планировал. Ей-богу! Уже билет лежал в кармане, но...

– О чем речь, Донат Максимович! – остановил его извинения Сева. – Понимаю, служба...

– А за телеграмму спасибо, – добавила Таня. – Когда тамада зачитал ее, все бешено аплодировали. Честное слово!..

По дороге чуть ли не на каждом углу встречались афиши, извещавшие о начале гастролей популярного эстрадного певца Александра Белова.

– Смотри, Татьяна, – заметил Сева, – твой кумир здесь. Как по заказу...

– Нравится? – встрепенулся Донат Максимович.

– Еще бы! – закатила глаза молодая женщина. – Но в Москве никак не удастся попасть на его концерт.

– Вас понял, – улыбнулся майор. – Будет сделано.

«Волга» припарковалась у гостиницы «Жемчужина России» среди иномарок, и швейцар, увидев Киреева, бросился к машине и с готовностью подхватил чемоданы молодоженов.

И вообще, по всему было видно, что майора в этой гостинице, самой престижной в городе, знают отлично. Встречали с подчеркнутым почтением. А кое-кто – с настороженным и даже испуганным лицом.

Дежурная по этажу поздоровалась с Севой, как со старым знакомым.

Номер был люкс, трехкомнатный. Мебель – под старину. Пол устлали ковры с толстым ворсом, заглушающим шаги.

Татьяна прежде всего бросилась к окну: какой из него вид?

– Потрясающе! – не удержалась она от восторга.

Панорама, открывающаяся взору, буквально завораживала: синее с перламутровым отливом море, живописная бухта, от которой тянулся вверх поросший курчавой зеленью склон горы.

– Сева, ты только взгляни, какой цвет у воды! – позвала Таня.

Тот подошел, обнял жену за плечи.

– А кто еще час назад говорил, что не подойдет к морю за километр? – поддел он ее.

– Хотите, перевезу на дачу, – немедленно откликнулся Киреев. – В горы.

– Нет-нет, спасибо! – возразила Татьяна. – Здесь чудесно!.. И вообще, что вы стоите, Донат Максимович? Присаживайтесь, – повела она себя гостеприимной хозяйкой.

Майор ничего не успел ответить, – под пиджаком негромко прозвучал мультитон. Это означало, что Киреева разыскивают по срочному делу.

– Простите, Танечка, – извинился он и набрал по телефону нужный номер. – Это я – Киреев. Кто мной интересуется?

– Товарищ майор, – ответила трубка, – вас ждет генерал Рунов.

– Хорошо. – Донат Максимович положил трубку и развел руками: – Увы, ребята, удаляюсь. Располагайтесь, отдыхайте. Освобожусь – позвоню. Прикинем план развлекательных мероприятий...

Когда он вышел, Татьяна осмотрела все комнаты и осталась очень довольна.

– Севка, прямо не верится, что мы будем тут жить! Как в сказке! А твой Донат Максимович – просто волшебник!

Она остановилась у стола, на котором стояла ваза с фруктами. Все было словно с выставки: огромные персики, словно светящиеся изнутри желтые груши, неправдоподобной величины инжир, тугие гроздья крупного черного винограда.

Таня не знала, что выбрать.

– Может, сначала что-нибудь существенное? – предложил супруг. – Ты несколько дней почти не ела.

– С удовольствием! – загорелась молодая женщина. – В ресторан?

– Зачем? – усмехнулся Сева. – Здесь все есть.

И он показал на холодильник и бар.

Татьяна открыла вместительный «Розенлев» и аж присела: он был набит до отказа рыбными и мясными деликатесами. А в нижнем отделении ласкали взор ярко-алые помидоры, один к одному небольшие огурчики и всевозможная пряная зелень.

В не меньший восторг привел ее бар: батарея импортных и родных (но для экспорта) напитков украсила бы самый шикарный ресторан.

– Откуда ты тут все знаешь? – удивилась Татьяна.

– В этом самом номере мы останавливались в прошлом году с отцом, – ответил Сева.

– Что хочешь? – спросила Татьяна, указывая на заманчивые этикетки.

– А ты не догадываешься?

Сева приблизился к жене, на его лице заиграла просительная улыбка. Татьяна отлично знала эту улыбку.

– Миленький мой, – ласково прошептала она. – Постился, бедняжка, на этом треклятом теплоходе...

Муж радостно не то всхлипнул, не то засмеялся и взволнованными, плохо слушающимися от нетерпения пальцами развязал шнурок на платье жены где-то у самого горла. Легкая материя стекла с ее тела, словно вода. В сторону полетели колготки, лифчик...

Они рухнули на бархат дивана...

Когда Киреев прибыл к генералу Рунову, там уже находился начальник городского управления внутренних дел полковник Хохлов. Хозяин кабинета ждал за большим столом, полковник расположился за соседним, размером поменьше. Поздоровавшись с начальством, Донат Максимович сел напротив Хохлова.

Несмотря на то что помещение было просторное, было душно. Генерал не соглашался на установку кондиционера: почему-то боялся простудиться от него.

– Ну вот что, друзья ситные, – начал Рунов с присказки, которая ничего хорошего не предвещала, – надоело мне отдуваться за вас. Слышали бы, как честили нас сегодня на заседании облисполкома! Больше всего нареканий по Южноморску!

Анатолий Филиппович замолчал, огромным носовым платком вытер шею.

– А конкретно? – вставил не очень смело Хохлов.

– Все то же! Хулиганье распоясалось. Проститутки вешаются на иностранцев среди бела дня! Срам! В интуристовскую гостиницу без пропуска не войдешь, а девицам легкого поведения – зеленая улица... И вообще – всякие там фарцовщики, сутенеры так и кружат... Что скажете, товарищ Хохлов?

– Мы наметили план мероприятий, я уже докладывал, – начал было полковник, но генерал перебил:

– Господи, опять старая пластинка! Поймите, нужны не планы и доклады, а действия! Самые решительные!.. Два месяца назад вот здесь, в этой комнате, на коллегии вы давали слово, что наведете порядок... Где он, обещанный порядок?

Полковник молчал – крыть действительно было нечем. Конечно, за столь короткий срок накопившиеся вороха проблем не разгребешь, но оправдываться резону не было: генерал еще сильнее намылит холку под горячую руку.

– А наша доблестная служба БХСС? – взялся за майора начальник УВД области. – Вы хоть знаете, какие безобразия творятся в городе?

Киреев гадал, как ответить: скажешь «знаю» – генерал разбушует, «не знаю» – устроит разгон еще пуще. Донат Максимович посчитал, что разумнее будет промолчать.

– В магазинах – обвес, в ресторанах – обсчет, – стал перечислять Рунов. – В столовых и закусочных кормят, извините, помоями... Загляните в овощные магазины, хотя бы в наш фирменный «Дары юга». Берут с покупателей деньги за то, что хороший хозяин скотине не будет скармливать! И это в фирменном! – с расстановкой произнес генерал. – О других и говорить не приходится...

– Мы проводим рейды, – сделал попытку оправдаться Киреев.

– Грош цена таким рейдам! – грозно бухнул начальник УВД.

– Как в той басне: а Васька слушает да ест... И еще. Я уже обращал ваше, Донат Максимович, внимание на кооператоров и индивидуалов. Цены заламывают бешеные! Сам прошелся по их рядам возле Приморского рынка. Платье – посмотреть не на что – двести – триста рублей! Штаны из хлопчатки – сто – сто пятьдесят! Обдираловка!

– Перекупщики, Анатолий Филиппович. Спекулянты... Их там больше, чем самих кооператоров...

– А вы на что?

– Задерживаем. А они нам – кто патент, кто доверенность, – развел руками Киреев. – Большинство приходится отпускать, как говорится, с миром...

– А они снова на рынок? – усмехнулся Рунов.

– А куда же, – вздохнул майор.

– Здрасте! – ехидно поклонился генерал. – И это говорит начальник ОБХСС!

– Штаты, товарищ генерал! Катастрофически не хватает людей!

– На сей счет есть мудрое изречение: «Кто хочет делать, тот ищет способ, кто не хочет делать, тот ищет причины»... Поняли меня? – мрачно посмотрел генерал на Киреева.

– Понял, – кисло улыбнулся тот. – Но...

– Нет, товарищи, теперь никаких но, – жестко прервал Рунов. – Через месяц проверим, заслушаем на коллегии. Оценивать будем не по галочкам-палочкам и отчетам, это вы научились делать прекрасно, а по конкретным результатам. Ясно?

– Так точно, товарищ генерал! – в один голос ответили Хохлов и Киреев.

Рунов встал, достал из холодильника две бутылки нарзана. Полковник и майор поняли: «коверная» часть беседы окончена.

Генерал разлил минеральную воду по стаканам, которые враз запотели, и угостил подчиненных.

– Теперь об операции «Прибой», – продолжил Анатолий Филиппович, залпом осушив свой стакан и наполняя снова. – Проведем в масштабе области. Общее руководство беру на себя... Товарищ майор, прошу подготовиться к операции самым тщательным образом. Без скидок и оговорок на что бы то ни было.

– Будем искать самые лучшие способы, – чуть улыбнувшись, напомнил генералу его же изречение Киреев.

– Да уж постарайтесь, – немного смягчился Рунов. – А насчет времени проведения операции сообщу дополнительно... Вопросы будут?

Вопросы имелись как у Хохлова, так и у Киреева. Обсуждали отдельные детали минут двадцать, В заключение Рунов спросил о происшествии в «Воздушном замке». Оказалось, что

ни майор, ни полковник ничего о нем не знают. Генерал снова помрачнел и сделал выговор обоим.

– Прокурор области и то осведомлен больше вашего! – в сердцах произнес он. – Чтобы сегодня же к концу рабочего дня доложили, как идет расследование по ресторану!..

– Слушаюсь, товарищ генерал! – ответил Киреев.

– Вы свободны, – сказал Рунов.

Приглашенные поднялись, двинулись к выходу. Начальник ОБХСС города пропустил вперед Хохлова, а сам задержался у двери.

– Анатолий Филиппович, разрешите напомнить, – сказал он, держась за ручку двери. – Сегодня в девятнадцать тридцать концерт Белова. В Зеленем театре. Не забудьте.

Генерал хмыкнул:

– Разве мне дадут забыть... – Он допил минеральную воду и с улыбкой закончил: – Дочка уже два раза звонила.

Откозыряв, Киреев вышел.

Когда была разрешена деятельность кооперативов, они, как и в других городах, стали расти в Южноморске, словно грибы после дождя. С броскими названиями, они стали кормить, стричь, фотографировать, находить жилье для курортников, устраивать экскурсии, соединять отчаявшихся найти спутника жизни – короче, делать массу полезного и нужного, до чего порой не доходили руки у тяжеловесных государственных организаций и учреждений. Правда, многие поругивали предприимчивых людей, открывших собственное дело, за цены, которые, прямо скажем, кусались. Поругивали, однако желающих воспользоваться услугами кооперативов было немало.

Не могла пожаловаться на отсутствие клиентов и Капитолина Савельева, держательница салона мужской красоты под названием «Аполлон». Ее заведение находилось почти в самом центре города, на зеленой тенистой улице. Савельева, тридцатипятилетняя женщина с весьма привлекательной наружностью, предлагала выбор средств, как стать элегантным и моложавым: самые модные мужские прически, маникюр, педикюр, массаж лица, окраску и завивку волос. Обаятельная, словоохотливая, имеющая несколько дипломов на различного рода конкурсах парикмахеров, Капитолина (многие клиенты называли ее ласково Капа и даже Капочка) попутно могла порекомендовать новинки литературы о новейших диетах и многом другом, что помогает держать тело в хорошей форме. Хотя брала она за свои услуги весьма дорого, попасть к ней было довольно непросто – в основном по рекомендации. Посещения у Савельевой были строго расписаны, заказы принимались исключительно по телефону. Лишь несколько особо доверенных людей могли зайти в «Аполлон» в любое время – их принимала обаятельная хозяйка салона вне очереди.

Капочка пользовалась только импортной косметикой, набор инструментов был тоже из-за рубежа. В ожидании своего часа (если клиент приходил раньше) можно было посидеть в уютной приемной с видеоманитофоном, коротая время за просмотром веселых мультфильмов или концерта поп-музыки – на выбор.

Работала Савельева одна. Ее «подручным» являлся лишь попугай по кличке Чико. Птицу Капочке подарил в незапамятные времена штурман дальнего плавания, когда-то страстно влюбленный в молоденькую Савельеву. Чико знал несколько фраз, однако умел пользоваться ими так здорово, что создавалось впечатление, будто попугай отлично владеет человеческой речью...

В середине дня, когда на двери салона мужской красоты висела табличка «Извините, у нас обеденный перерыв», к нему подъехал невиданный для Южноморска, избалованный иностранными автомобилями, лимузин – роскошный «роллс-ройс» модели «Сильвер Шедоу».

Сверкая голубым лаком и хромированными деталями, машина эта всегда вызывала завистливые взгляды владельцев частного извоза. Принадлежала она тоже индивидуалу, неко-

ему Ступаку, которому приносила бешеный доход. В Южноморске почиталось особым шиком проехаться в лимузине для королей и президентов в ЗАГС. Но подряжался для этого Ступак в редких случаях – когда бракосочетались отпрыски местной знати. А большую часть времени счастливый владелец «роллс-ройса» занимался тем, что дежурил у гостиниц и пансионатов для иностранцев, обслуживая гостей из-за рубежа...

Голубой «сильвер-шедоу» замер у «Аполлона». Пассажир вышел из машины и, не глядя на табличку, решительно прошел в заведение Савельевой.

Это был мужчина лет сорока – сорока пяти, в легком светлом элегантном костюме и летней шляпе из итальянской соломы.

Савельева кормила Чико его любимым фундуком. Сама она держала диету, предпочитая пропускать обед. Услышав чьи-то шаги, она несколько раздраженно крикнула:

– Читать не умеете? У меня перерыв!

– И прекрасно! – сказал приехавший, заходя в помещение, где его владелица священнодействовала над клиентами. – Нас не будут побеспокоить... Я правильно выразился?

– Господи! – всплеснула руками Капочка. – Пьетро! Бон джорно, как говорят у вас в Италии.

Она бросилась к гостю, и они обнялись.

– Когда прилетел, дорогой? Где остановился? – забросала вопросами Савельева мужчину, не спуская с него восторженных глаз.

– Моя милая Капочка имеет слишком много вопросов! – засмеялся Пьетро. У него был довольно заметный акцент. – Как говорится, много узнаешь, скоро будешь старухой...

– Я и так уже старуха, – вздохнула Савельева.

– Но, но! – запротестовал Пьетро. – Ты еще самый... – Он поцеловал кончики ее пальцев. – Самый цвет!

Чико, распушив перья, вдруг разразился скрипучей фразой:

– Я люблю Капочку.

– Не только ты, – погрозил ему пальцем иностранец. – Я тоже.

– Если бы любил, сразу дал бы знать, как только приехал в Союз, – с укоризной произнесла Савельева. – Кстати, когда?

– Уже восемь дней.

– Вот видишь! Даже не позвонил из Москвы...

– Зачем тебе неприятности? – поморщился Пьетро. – Ваши чекисты всегда начеку. – Он засмеялся своему каламбуру. – Подслушивают все мои переговоры... – Иностранец бдительно огляделся и приложил обе руки к горлу, словно душил себя.

Капочка фыркнула. И спохватилась:

– Прости, дорогой, кофе, бутерброды?

– Спасибо, я только что сделал обед, – отказался гость. – Что-нибудь прохладное – с удовольствием.

Савельева кинулась к холодильнику и достала пепсиколу и минеральную воду.

– Когда ты был в России последний раз? – спросила она, ставя поднос с напитками и фужерами перед иностранцем.

– Если не ошибаюсь, три года назад.

– Вот видишь! Газеты надо читать! Ведь у нас перестройка, гласность... Все меняется буквально на глазах! Многого исчезает! Подозрительность, страх...

– КГБ тоже исчезло? – усмехнулся Пьетро, наливая себе пепси-колу.

– Нет, конечно, еще не исчезло, – несколько смутилась Капитолина. – Но они теперь другие! Понимаешь, новые... Как и все вокруг.

– Новые, говоришь? – все с той же скептической интонацией произнес гость. – Что-то не заметил... Вращался эти дни среди ваших чиновников – по-моему, порядки старые. Догово-

риться очень трудно. Никто ничего не может решить... Но Ленина любят по-прежнему очень сильно...

– В каком смысле? – не поняла Савельева. – Его учение? Книги?

– Портреты, – рассмеялся Пьетро, доставая из бумажника сторублевую купюру. – Дашь много портретов – дело кое-как продвигается...

– Ладно, – вздохнула Капитолина. – Бог с ними, с бюрократами... Слава богу, ты приехал... Долго будешь в Южноморске?

– Абонировал номер в гостинице на шесть дней.

– Маловато, – покачала головой Капитолина и провела рукой по волосам гостя. – Нужно привести твою голову в порядок. – Савельева засмеялась. – С заморского компаньона возьму со скидкой.

– Не надо – себе в убыток. Бизнес есть бизнес, – засмеялся гость. – Расплачиваюсь натурально... Вот аванс.

Он протянул хозяйке салона принесенный с собой сверток. Савельева развернула его: в изящной коробке был роскошный набор французской косметики.

– Не для клиентов, – предупредил Пьетро. – Для тебя лично.

Савельева в знак благодарности поцеловала его.

– Чтобы тебе было легче приехать еще, сделаю гостевой вызов, – предложила Капитолина. – Сейчас разрешено.

– Зачем? – улыбнулся Пьетро. – Теперь бизнесменам посещать вашу страну можно запросто.

– Вот видишь! – торжествовала Савельева. – А ты говоришь, старые порядки... Перестройка, она, дорогой...

– Голосую за нее всеми руками! – перебил ее гость. – Жду тебя в гостинице. С нетерпением. Ариведерчи.

Капитолина проводила его до двери. Пьетро сел в поджидавший его лимузин, облепленный любопытными мальчишками.

Летний театр, вмещающий полторы тысячи человек, был заполнен до отказа. Зрители стояли даже в проходе, у стен, заполняя все свободное от скамеек пространство. Толпы тех, кто мечтал до последней минуты стрелкнуть лишний билетик, но так и не достал, обступили театр снаружи. На ближайших деревьях гроздьями повисла пацанва.

На первых рядах разместилось городское начальство с женами и детьми. Генерал Рунов так и не успел заехать домой, чтобы переодеться в гражданское, – отдувался в милицейском мундире, застегнутом на все пуговицы. Зато его супруга и дочка были в легких нарядных платьях. Рядом с Руновым сидел заместитель прокурора области Гурков с женой. Неподалеку от них устроилась хозяйка салона мужской красоты «Аполлон» Капитолина Савельева. На ней было умопомрачительное вечернее платье фиолетового цвета, на которое бросали завистливые взгляды начальственные дамы. В какой-то мере с Савельевой могла соперничать нарядом лишь главный администратор городского Дома моделей Марина Юрьевна Кирсанова – крашеная блондинка неопределенного возраста.

Известный в Южноморске адвокат Чураев не принадлежал к начальственным верхам, однако же на всех гастрольных премьерах восседал не далее третьего ряда. Надушенный, в модном костюме, он везде появлялся без супруги, но со своим приятелем, судебным медиком Хинчуком. Последний был не женат, слыл охотником до слабого пола и не расставался с заграничной диковинкой – фотоаппаратом-поляроидом, выдававшим цветной снимок тут же. Это приводило в восторг девиц, которых любил запечатлеть Хинчук.

Одними из последних в театр приехали майор Киреев с женой Зосей и гости Доната Максимовича – Сева и Татьяна. Они устроились рядом с начальником горуправления внутренних дел Хохловым.

Зрители уже волновались – время начала концерта прошло. По рядам прокатывался гул нетерпения, раздавались отдельные всплески аплодисментов, свистки.

И только когда два места в центре первого ряда заняло семейство секретаря горкома партии Голованова – он сам и его жена Виктория Леонидовна, – под бешеные овации появился на сцене Александр Белов в костюме, переливающимся люрексом. Одновременно с ним вышли музыканты.

Белов, что называется, умел взять с места в карьер. Сцена взорвалась оглушительным ревом мощных динамиков, световыми эффектами, с первых же секунд вовлекая зрителей в какую-то фантазмагорию ритма, звуков и красок. И над всем этим властвовал чародей голоса с микрофоном в руках...

Когда певец закончил песню, раздался шквал аплодисментов. Белова забросали цветами. Несколько девушек прорывались на сцену, почитая за счастье хотя бы дотронуться до одежды своего кумира.

Так было и после второго номера, после третьего. Даже супруга Голованова не выдержала – вручила певцу букет георгинов. Тот запечатлел на щеке Виктории Леонидовны благодарственный поцелуй, что привело секретаря горкома чуть ли не в шоковое состояние.

– Ты с ума сошла! – шепнул он жене, вернувшейся на место возбужденной и радостной. – У всех на виду!.. Что подумают?

– Надо освобождаться от стереотипов застойного времени, – ответила со смешком мужу Виктория Леонидовна.

После следующей песни на сцену гурьбой двинулись супруги и дочери руководителей города.

Тем временем старший оперуполномоченный ОБХСС старший лейтенант Ларионов заканчивал допрос работников ресторана «Воздушный замок». Без милицеской формы Станислава Архиповича можно было принять за инженера или молодого ученого. Хлопчатобумажные брюки, рубашка в полоску и неизменный кейс, с которым Ларионов почти никогда не расставался. Эта несолидность была обманчива – в органах милиции он проработал более десяти лет. Стаж вполне приличный.

Ресторан был закрыт для посетителей – на двери висела табличка «Санитарный день». К великому огорчению гуляк, которых к вечеру прибывало все больше и больше и вынужденных уезжать несолоно хлебавши.

Зал «Воздушного замка» срочно приводили в порядок после погрома – вставляли стекла, заменяли разбитые плафоны светильников, закрашивали следы от вина на стенах, ремонтировали мебель.

Последним, с кем беседовал старший лейтенант, был метрдотель Леониди. На скуле администратора переливался цветами радуги огромный кровоподтек.

– Кто был зачинщиком дебоша? – спрашивал Ларионов.

– Вроде двое, – не очень уверенно ответил метрдотель.

– Их приметы?

– Затрудняюсь сказать... Лет по двадцать пять, здоровые такие...

– Лица запомнили?

– Нет, – отрицательно покачал головой Леониди. – Они были в темных очках. К тому же меня сразу свалили на пол. А потом погас свет и уже ничего нельзя было разглядеть...

Выйдя из ресторана, оперуполномоченный ОБХСС направился к сторожу платной автостоянки. Хотя работы для него нынче не было, старик считал, что не имеет права покидать свой пост.

– Пронин, – представился старик Ларионову и продолжил: – Тут вчера четверо подозрительных молодых людей подъехали на «Волге». Вот я и размышляю, не они ли эту бучу заварили?

– Почему думаете, что они? – насторожился Станислав Архипович.

– Аккурат перед самой дракой заявились да еще черные очки нацепили – это раз, – солидно стал перечислять Пронин. – Вели себя как-то настороженно: когда заходили в ресторан, все оглядывались по сторонам. Это два... Ну и смылись сразу после заварухи – три!

– Точно? – подозрительно посмотрел на старика лейтенант: уж слишком безапелляционным было его заявление.

– Факт! – горячо проговорил сторож. – Эти молодчики мне сразу не понравились.

– Вы запомнили их? – спросил Ларионов. – Может, какие-то детали, отдельные приметы? Старик раздумчиво покашлял.

– Голос одного из них запомнил, – наконец сказал он. – Того, что сидел за рулем... Я предлагал ему оставить машину на нашей стоянке... Так вот думаю: с чьим его голос схож? Потом хлопнул себя по лбу – батюшки, точь-в-точь как у того певца, что на каждом углу крутят. Хриплый такой...

– Высоцкий, что ли? – подсказал Ларионов.

– Во-во, он самый! – обрадованно закивал сторож.

Он попросил оперуполномоченного немного подождать, а сам исчез на пару минут в своей будочке и, вернувшись, протянул лейтенанту спичечный коробок.

– Возьмите, может, пригодится.

– Зачем он мне? – удивился Ларионов. В коробке вместо спичек лежал окурочок.

– Один из тех парней бросил, – пояснил сторож. – Когда они садились в машину уезжать. Когда я узнал, что произошло в ресторане, то подобрал на всякий случай. Авось, думаю, понадобится. Ведь не зря пишут, что по окурку можно найти...

– А если кто другой бросил? – засомневался Ларионов. – Путаница выйдет.

– Они, голову наотрез даю, они!

– Ой, введете нас в заблуждение...

– Нечто я не понимаю в этом деле! – обиделся старик. – Во время войны в СМЕРШе служил, конвоиром. Один раз по окурку даже шпиона разоблачили...

Ларионов, немного поколебавшись, решил уважить сторожа и взял коробок. Потом задал свидетелю еще несколько вопросов, на которые тот ответил охотно и обстоятельно.

– Спасибо, товарищ Пронин, – сказал напоследок Ларионов. – Возможно, вы нам еще понадобится.

– Ради бога! Звоните в ресторан, меня позовут.

Уже садясь в поджидавший его москвичок, оперуполномоченный с улыбкой спросил у сторожа:

– За что награда?

– За боевые заслуги, – не без гордости сказал старик, косясь на новенький орден Отечественной войны.

И он по привычке почтительно захлопнул за Ларионовым дверцу.

Когда концерт был в самом разгаре, полковник Хохлов посмотрел на часы и шепнул сидевшему рядом майору Кирееву:

– На выход.

Они начали выбираться со своих мест. Благо зрителям было не до них – Белова вызывали на бис после очередной песни.

Лишь только удивленная Татьяна спросила у оставшейся в одиночестве жены Хохлова:

– Куда это они?

– Видно, по делу, – успокоила ее полковница, как ни в чем не бывало аплодируя вместе со всеми.

К таким внезапным отлучкам мужа она привыкла.

Киреев и Хохлов зашли в кабинет директора театра и соединились по телефону с горуправлением. Ларионов был уже там.

– Ну, что? – набросился на него Хохлов.

– Какая-то чертовщина, товарищ полковник, – ответил оперуполномоченный ОБХСС. – Хулиганы покуролесили в «Воздушном замке» от души! Разгромили по первому разряду. Стереоустановка вдребезги, видеосистема – тоже! Между прочим, и то и другое – японские, «Шарп». Ну, светильники, посуда, мебель – это, считай, мелочи...

– Ущерб большой? – поинтересовался Хохлов.

– Тысяч на тридцать, не меньше. Но вот из-за чего весь сыр-бор, непонятно.

– А что говорит директор? – спросил полковник. – Карапетян, кажется?

– Да, – сказал старший лейтенант. – Сурен Ованесович... По его словам, во время драки он находился у себя в кабинете и ничего не видел, что творилось в зале.

– И не слышал? – удивился полковник.

– Нет, – сказал Ларионов. – Я опросил персонал ресторана – ничего конкретного. Запомнили только, что один из посетителей хохотал до упаду. Аж по полу катался...

– Ты серьезно? – строго спросил Хохлов.

– За что купил, за то и продаю, – ответил оперуполномоченный... – Может, случайная драка? Знаете, как бывает под винными парами... Кто-то на кого-то не так посмотрел или удочку закинул даме, а кавалер взбеленился.

– Может быть, и случайно, – задумчиво проговорил полковник. – А что, если две банды сводили счеты? А?

– Ребята из угрозыска ищут посетителей, что были вчера в «Воздушном замке», – продолжал Ларионов. – Кстати, любопытные показания дал сторож автостоянки. – Он рассказал о том, что услышал от Пронина. – Даже номер «Волги» назвал: Л 10–11 ЮЖР...

– Ну и?.. – нетерпеливо спросил Хохлов.

– Опять загадка, – ответил старший лейтенант. – Я справился в ГАИ – машины с таким номером в городе вообще не существует. Более того, сторож сказал, что один из приехавших на «Волге» остался в машине, а трое пошли в ресторан. Потом этот оставшийся достал из багажника не то куль, не то мешок и тоже зашел в «Воздушный замок». Но никто из персонала ресторана такого эпизода не помнит. Одним словом, туман.

– Выходит, генералу докладывать одни только загадки? – хмуро сказал Хохлов.

– Будем работать, товарищ полковник! – откликнулся старший лейтенант. – Времени-то прошло всего ничего...

– Вот именно, – с нажимом произнес начальник городского УВД. – Возможно, что и ушло... А по вашей линии как?

– Вроде Карапетян не нарушает. Мясо, масло, говорит, покупает на рынке или в потребкооперации. Даже договоры показал... Овощи и фрукты – только с рынка. А впрочем, проверим...

– Карапетян не жаловался? – спросил Хохлов. – Может, ему угрожают? Вымогают деньги?

– Нет, – решительно мотнул головой старший лейтенант. – Отрицал начисто...

После короткого совещания Хохлов и Киреев вернулись в зал.

* * *

Белов закончил выступление своей коронной «Джульеттой», которую распевала вся страна. Страсти достигли предела, и артиста не хотели отпускать, заставив исполнить любимую песню еще раз.

Наконец обессиленный Белов добрался до артистической уборной, бросил на пол охапку цветов, которые с трудом помещались в его объятиях, и в изнеможении опустился в кресло.

Зал продолжал неистовствовать, требовал его выхода, но певец не был в состоянии даже пошевелиться. Он знал, что колоссальное напряжение двух часов концерта отпустит только минут через сорок. И все же артисту не дали и этого отдыха. Так было всегда и везде.

Первым прорвался к Белову журналист Снежков. Коренастый, с растрепанной шевелюрой и бородой, он был увешан фотоаппаратами и еще держал в руке портативную видеокамеру.

Среди газетной братии в Южноморске Снежков являлся заметной фигурой, и не было преград, которые бы он не преодолел. Друзья называли его «трижды корреспондент Советского Союза». Пробивной репортер, во-первых, печатался в газетах, во-вторых, давал материалы на радио и, в-третьих, сотрудничал с местным телевидением.

– Александр Георгиевич, буквально на минутку! – с порога провозгласил Снежков, помахиная в воздухе веером фотографий с какими-то бумажками. – Требуется только ваша виза.

– Какая виза? – не понял кумир публики, не в силах сдержать напор журналиста.

– Ну, на гранках интервью, которое вы дали мне вчера в гостинице, – продолжал атаку Снежков, кладя на столик перед певцом газетные оттиски и фотографии. – Прошу, ознакомьтесь и приложите свою ручку, – услужливо подсунул он вечное перо.

Белов, не читая, подмахнул текст.

– Будет звездовой материал! – уверял корреспондент. – А теперь выберите, пожалуйста, снимок для публикации.

Король эстрады наугад ткнул пальцем в одну из фотографий, где он был запечатлен во весь рост.

– О'кей! – одобрил Снежков. – Я был уверен, понравится именно эта. – Подхватив фотографии и гранки, он вихрем вылетел из комнаты, на ходу бросив: – Читайте завтра «Южно-морскую правду». Реклама – двигатель успеха!..

Белов усмехнулся: уж кто-кто, а он в рекламе не нуждается. Тем более в какой-то провинциальной газетенке.

Певец закрыл глаза, постарался расслабиться. Но тут снова появился посетитель – аккуратный старичок с набором значков на полотняном пиджаке.

– Не откажите ветерану! – с мольбой протянул он фотографию артисту. – Ваш автограф внука будет хранить до гроба!

Белов взял снимок и вытаращился на ветерана: это была фотография... Аллы Пугачевой.

– Ну что вам стоит! – чуть не плакал старик.

– Будем надеяться, Алла Борисовна не подаст на меня в суд.

И Белов с улыбкой расписался на портрете всеми любимой певицы.

Ветеран исчез, не скрывая своего восторга. Этот визит развеселил артиста. Но ненадолго.

Следующий посетитель чуть не довел до истерики. Вернее – посетительница. Благоухая прямо-таки удушающим ароматом духов, напористая поклонница в летах сунула растерявшемуся Белову огромную коробку с тортом «Птичье молоко», чуть ли не целый куст роз и заявила, что он первый в ее жизни мужчина, ради которого она готова на все...

Выпроводить настырную почитательницу удалось лишь с помощью администратора группы.

– Смотри, Фима! – гневно предупредил его певец. – Еще один посетитель – и ты уволен!

Администратор побожился, что в гримуборную войдут только через его труп.

И когда через минуту после его ухода раздался стук в дверь, нервы Белова не выдержали.

– Нельзя! – завопил он. – Никого не принимаю!

– Без исключения? – В дверном проеме показалась голова майора Киреева.

– Без! – по инерции выпалил артист, но в следующее мгновение, узнав майора, расплылся в виноватой улыбке. – Дон, прости, дружище! Довели до белого каления...

Какой-то свихнувшийся ветеран, потом половая психопатка... Ужас!

– Хоть симпатичная? – пожал руку певцу Киреев.

– Бр-р! – передернул плечами Белов.

– А если бы этакая хорошулька? – лукаво подмигнул Донат Максимович, рисуя в воздухе женскую фигуру.

– Да как тебе сказать... – хмыкнул Белов и рассмеялся.

– Значит, не прочь, – улыбнулся Киреев. – Желание гостя – закон для гостеприимных хозяев... Сколько ты будешь еще в нашем благословенном Южноморске?

– Три дня.

– Планы на завтра?

– Отдых на всю катушку! Не согласишься – впервые за месяц!

– На износ работаешь, – сочувственно покивал майор.

– Се ля ви! – вздохнул Белов. – От вас – в Кисловодск. Опять вкалывать как папа Карло. По два концерта в день. Это минимум!

– Ну что ж, тогда завтра тебе нужно расслабиться. По максимуму, – деловито произнес Киреев. – Беру на себя. Доверяешь?

– Еще бы! – хлопнул приятеля по плечу Белов.

– Значит так, – продолжал майор. – С утра тебя будет ждать у гостиницы «роллс-ройс»...

– Только не раньше десяти, – предупредил Белов.

– Лады. Подадут в десять ноль-ноль, – согласно кивнул Киреев. – Я присоединюсь где-то после обеда.

– Жаль, – с кислой миной сказал певец. – Отбояриться не можешь?

– Надо мной, Саша, еще полковники и генералы, – осклабился Киреев. – А я всего лишь майор.

– Засиделся ты, брат, в этом звании, засиделся, – покачал головой Белов. – Эх, познакомься бы лет пяток назад, помог бы тебе... Звезд поболее было бы на твоих просветах. А может, и вообще без просвета погончики...

– Юру имеешь в виду? – хмыкнул Донат Максимович. – Ну и как бы сейчас выглядел в полковничьих погонах с подачи Чурбанова?

– Очень даже симпатично, – оглядел приятеля Белов.

– Ладно, дружище, спасибо на добром слове... Как-нибудь одолеем эту проблему... Поговорим лучше о птичках. Вернее – о пташке. Из ассортимента нашего Дома моделей тебя устраивает?

При упоминании этого учреждения Белов мечтательно улыбнулся – вспомнил, видать, прежние посещения Южноморска.

Майор принял его улыбку за знак согласия и стал крутить телефонный диск.

– Главная администраторша была сегодня на твоём концерте, – играл трубкой Киреев. – Интересно, добралась к себе?.. – Он прижал трубку к уху. – Да, на месте... Мариночка, Киреев... Это хорошо, что под впечатлением... А я как раз у Саша... Передам, передам! – Донат Максимович, прикрыв рукой микрофон, сказал: – Полный восторг! – И продолжил в трубку: – Понимаешь, завтра намечается мероприятие. Наш дорогой гость месяц без жены...

Умница ты моя, правильно сообразила! Кто, кто? Эвника?.. Помню, самый раз! За ней заедут к десяти утра... Привет!

Положив трубку на рычаг, Донат Максимович показал большой палец: пташка, мол, будет во!

...Не успел Киреев закончить разговор с Беловым, а Марина Юрьевна Кирсанова бросилась выполнять поручение майора.

В Доме моделей как раз заканчивался последний сеанс показа новейшей коллекции одежды, которые здесь превращали в блестящее шоу – с музыкой и вставными эстрадными номерами, что неизменно собирало полный зал зрителей. Когда манекенщицы после очередного выхода возвратились за кулисы, главная администраторша подозвала одну из них – высокую, стройную, с голубыми глазами и копной великолепных каштановых волос.

– Оработала, Эвника? – спросила Марина Юрьевна.

– Слава богу, – кивнула та.

– Есть разговор. – Кирсанова повела девушку в свой кабинет. – Да, милочка, сколько раз я говорила: наверх волосы тебе куда лучше.

– Так? – подняла обеими руками свои чудесные локоны Эвника, обнажая длинную красивую шею.

– Совсем другой коленкор! – одобрила начальница. – Завтра тебе предстоит очаровать Белова...

– Певца?! – радостно округлила глаза девушка.

Марина Юрьевна молча кивнула и, пропустив вперед манекенщицу, вошла в комнату сама и плотно прикрыла дверь.

Яхта «Элегия» из красного дерева лениво дрейфовала километрах в пяти от берега. Южноморск остался в стороне, и перед взором пассажиров, в купальниках и плавках развалившихся в шезлонгах, простерлась панорама диких гор, поросших буйной растительностью.

О яхте в городе ходили легенды. Как и когда она попала в Южноморск, уже никто не помнил. Сработали славное судно на верфях в Португалии в расчете на богатую, изысканную публику, любящую комфорт и роскошь. Просторный салон и каюты были отделаны ливанским кедром, мореным дубом и натуральной кожей. Везде зеркала, хром и бронза. На «Элегии» имелся бар, камбуз, наспигованный современной электроникой, гриль. На верхней палубе было все для приятного отдыха: шезлонги, надувные матрасы, столики для игр. Любителя порыбачить ждал набор великолепных снастей – удочки, спиннинги, а также маски с ластами и пневматические ружья для подводной охоты. Кто же был охоч до современных удовольствий, мог провести время у видеомагнитофона.

Яхту обслуживала целая команда во главе с капитаном Семеном Васильевичем Кочетковым. И хотя ему было лет тридцать, не более, обращались к Кочеткову только по имени и отчеству. Капитан разгуливал в тельняшке, клешах, на голове – фуражка с крабом. Ну а какой морской волк может обойтись без татуировки! Она покрывала его руки и грудь.

В подчинении Кочеткова был матрос Жора Бородин. Комплекция – что твой Добрыня Никитич. Будучи по возрасту не моложе капитана, Жора тем не менее относился к нему с глубоким почтением.

Еще один член команды – кок Евгений Мухортов, самый младший. В службе состояли и две милостивые девушки. Регина была хозяйкой бара и славилась тем, что варила отменный кофе по-турецки. Впрочем, ей отлично удавались и коктейли – слабые, крепкие и вовсе безалкогольные. А подавала еду и напитки официантка Люся. Она все время носилась с подносом из бара и камбуза наверх и обратно, одаривая по пути всех обаятельной улыбкой.

Владельцем яхты был Валерий Денисович Хинчук. И хотя его профессия, скажем, не из веселых, судмедэксперт, он, несмотря на это, был натурой жизнерадостной и в свои сорок

холостяцких лет сохранил вкус к еде, женщинам и другим земным радостям. Сегодня Хинчук в особом расположении духа – гости самые желанные. Супруга секретаря горкома партии Виктория Леонидовна, жена начальника южноморского ОБХСС Зося со своим любимцем Карлушей – чистокровным хином, вальяжно развалившимся на руках хозяйки, молодожены из Москвы Сева и Таня. Ну и, как говорится, гвоздь программы – Александр Белов. Собственно, нынешний пикник на воде был затеян ради прославленного певца.

Среди этой публики своими, можно сказать, были Вадим Снежков, Генрих Довжук – атлетического сложения красавец, культурист и каскадер, и Эвника – временная подруга Белова.

«Трижды корреспондента Советского Союза» владелец яхты приглашал всякий раз, когда на борту «Элегии» находилась очередная знаменитость. Снежков был обязан запечатлеть ее на борту увеселительного судна на фото- и видеопленку.

Впрочем, сам Валерий Денисович тоже поминутно щелкал своим поляроидом, щедро раздавая гостям снимки.

Белов, естественно, был центром притяжения компании. Все старались ему угодить, расшевелить свеженьким анекдотом, короче, быть поближе. А Виктория Леонидовна, не скрывая обожания, взялась составить его гороскоп.

– И вы действительно можете приоткрыть тайны моей судьбы? – улыбнулся артист.

– Попробую, – серьезно ответила Голованова. – Вообще-то древние предсказатели говорили: звезды не лгут, ошибаются только люди... Так, обратимся к звездам. Прежде всего назовите, пожалуйста, месяц и год рождения.

– Родился в пятидесятом году, в июле.

– А точнее?

– Десятого...

Всем, естественно, страсть как захотелось узнать побольше о любимце страны, и присутствующие сгрудились вокруг него и предсказательницы.

– Родились вы в год Тигра, – начала та. – Это подразумевает властолюбие, чувствительность и подозрительность...

– Что-то не замечал за собой, – усмехнулся Белов.

– Но одновременно вы доброжелательны и ласковы, – продолжала Виктория Леонидовна.

– Уже ближе, – кивнул Александр, незаметно пожимая руку Эвнике, которая при этом зажмурилась от удовольствия.

– Ну, что можно сказать о созвездии, под которым вы родились? Тот, кто появился на свет под созвездием Рака, любит природу, уединение. У вас должна быть тонкая нервная система. Вам чужда логика...

– Вполне возможно, – наклонил голову певец. – А вот на природу и уединение, увы, не хватает времени.

– Вы обладаете великолепной интуицией, – вкрадчиво говорила Виктория Леонидовна. – Ваш тип – тип мыслителя, ученого, музыканта.

– Потрясающе, – изумился Белов. – Я действительно хотел стать ученым. Учился на философском факультете, но увлекся джазом и вот – как видите...

– Ваша планета – Луна. Символ поэзии, фантазии, мечтательности. Что же касается нынешнего года, а он, как вы знаете, год Змеи, то по восточному гороскопу – самый благоприятный для супружеских измен. – Голованова оглядела присутствующих. – Это касается всех. Воспользуйтесь этим, сибаритствуйте, флиртуйте...

– Я не согласен! – делано возмущенно заявил Сева. – Протестую!

– А я считаю, – со смехом заметил Генрих Довжук, – все мы под одним небом.

– И последнее, – снова обратилась к Белову Голованова. – Ваши камни – алмаз и жемчуг. Ваш день – понедельник. Из стихий – вода.

– Обожаю воду, – чуть не захлопал певец. – Особенно рыбачить.

Ему тут же предоставили удочку, и Белов уселся на корму. Рядом пристроилась Эвника, демонстрируя свое прекрасное тело, прикрытое лишь очень смелым купальником. Но то ли было неудачное время для клева, то ли Александру мешала близость прелестных женских форм, но у него ни разу даже не клюнуло.

– Саша, – спросила девушка, – в чем секрет, что вы уже много лет имеете бешеный успех? Ведь появляется столько рок-певцов, и очень быстро их слава закатывается.

– Секрет прост, – серьезно ответил артист. – Они стараются подражать звездам. Майклу Джексону, Стюарту, Битлам и т. д. Но из этого ничего не выходит. А я... Знаете, был такой знаменитый американский композитор, Ирвин Берлин. Когда он находился в зените славы, с ним познакомился Джордж Гершвин, который только прокладывал себе дорогу в жизни. Гершвин обратился за помощью к Берлину. Но тот, мудрый музыкант, сказал: «Если ты согласишься работать моим музыкальным секретарем, то в конце концов станешь второсортным Берлином. Но если ты будешь настойчиво развивать свой талант, то станешь знаменитым и неповторимым музыкантом». Гершвин внял совету маэстро. Вскоре его имя гремело по всему миру. Я тоже никому не подражаю. Поэтому, наверное, и являюсь Беловым...

Вдруг показался катер на подводных крыльях. Он быстро приближался к «Элегии».

– Во дает! – воскликнул кто-то из отдыхающих.

За катером мчался на невидимом отсюда тросе водный лыжник, проделывая немыслимые пируэты. Когда виртуоз приблизился к яхте, в нем узнали майора Киреева.

– Ай да Донат Максимович! – восхищалась больше всех Татьяна. – Появился как бог из машины!..

Катер резко сбросил ход, и начальник ОБХСС плавно подкатил к яхте. К нему тут же протянулось несколько рук, и Киреев был поднят на борт.

Донат Максимович поздоровался со всеми и, увидев удочку у Белова, поинтересовался:

– Большой улов?

– Увы, ни одной поклевки.

– Уметь, брат, надо, – похлопал его по плечу майор.

– Хотел бы я посмотреть, как это у тебя получится, – обиженно произнес Белов.

– У меня-то клюнуло, да еще как... – протянул Киреев и на недоуменный взгляд певца ответил со смехом: – Правда, не ставрида там или кефаль. Рыбка другого вида – подцепили махрового жулика...

Майора обступили, стали просить, чтобы он рассказал подробности.

– Ладно уж, выдам служебный секрет, – сдался начальник ОБХСС, усаживаясь в шезлонг и потягивая через соломинку «Шампань-коблер» из запотевшего бокала, принесенного официанткой. – Представляете, чем пользовался, подлец? Нашей с вами любовью к детям. Точно рассчитал!

– Кто же это? – нетерпеливо спросил Хинчук.

– Лучше – по порядку, – поднял руку майор. – Как вы сами понимаете, у всех родителей одно сейчас на уме – купить сыну или дочке школьную форму. Первое сентября на носу. Приходит мамаша или папаша в «Детский мир», а там пусто. Нет форм. Что же делать бедным родителям?

– Совершенно верно, Донат Максимович! – возмущенно подтвердила официантка Люся. – Недели ходим, а все без толку. Говорят, фонды выбрали...

– Запудрить мозги они умеют, – кивнул Киреев. – Получается, путь один – к кооператорам.

– А там форма в два, а то и в три раза дороже, – заметил Снежков.

– Вот-вот, – усмехнулся майор.

– Но зато какое качество! – отпарировала жена секретаря горкома. – Неужели пожалеешь для родного дитя!

– Мамаши и не жалеют, – продолжал Киреев. – Втридорога платят за ту самую форму, которая, кстати, пошита не кооператорами, а на обыкновенной государственной фабрике. И должны ее продавать в государственном магазине, по государственной цене. Между прочим, ниже себестоимости, с дотацией...

– Ничего не понимаю, – развела руками Татьяна. – В чем же дело?

– А в том, – повернулся к ней Донат Максимович, – что государство позаботится о детях, а коммерческий директор «Детского мира» – о своем кармане. Вот и придумал комбинацию, как хапнуть около ста тысяч.

– Сворцов? – охнула Виктория Леонидовна.

– Он, голубчик, – подтвердил Киреев.

– А такой с виду интеллигентный, честное лицо, – покачала головой жена секретаря горкома.

– Прожженный махинатор, – сурово проговорил майор. – Но не учел, что ОБХСС – не лопух-покупатель. Нас не проведешь...

– Прямо уж, – проворчала негромко его жена Зося. – Еще как обкручивают вокруг пальца!

– Если милиция сама того пожелает, – иронически улыбнулся Белов.

Киреев встрепенулся, хотел что-то ответить на шпильку, но тут с катера, чуть покачивающегося на волнах рядом с «Элегией», крикнули:

– Товарищи, кто еще желает прокатиться на лыжах?

Изъявили желание почти все. Даже Виктория Леонидовна не могла удержаться от соблазна. Однако катание пришлось отложить – капитан Кочетков ударил в корабельный колокол и провозгласил:

– Прошу всех в кают-компанию! Вас ждут куропатки на вертеле, баварское пиво и еще кое-что...

Гости потянулись вниз, в салон, откуда доносились соблазнительные ароматы.

Последним шел Генрих Довжук. Он задержался возле капитана.

– Семен Васильевич, справочку не дадите?

– Ну? – покосился тот на Довжука, от которого каждую секунду можно было ждать подвоха.

– Когда покидать тонущий корабль крысе, если она – капитан? – без тени юмора спросил каскадер.

Грянул дружный смех. А славный мореход так и не нашел достойного ответа.

У капитана милиции, следователя горуправления внутренних дел, Владимира Ивановича Ветлугина было осунувшееся лицо. Месяц назад он перенес операцию на желудке. Язва – профессиональное заболевание следователей. Рунов знал, что врачи советовали Ветлугину сменить профессию, но тот отказался – любовь, как говорится, зла...

И вот теперь, слушая его доклад, Анатолий Филиппович почему-то стеснялся своего больно уж цветущего вида.

– Когда я получил материал из ОБХСС о махинациях коммерческого директора «Детского мира» Сворцова, тут же допросил его самого и председателя кооператива «Силуэт» Земцова, – рассказывал капитан. – Земцов – твердый орешек, все отрицал...

– А Сворцов?

– Поюлил, поюлил, но раскололся. И кое-что признал.

– Конкретно? – попросил генерал.

– Ну, как передал несколько партий школьной формы для реализации в «Силуэте». – Владимир Иванович нашел в лежащей перед ним папке нужные бумаги. – Вот протоколы допросов. В них бомба против одного из наших сотрудников...

Рунов надел очки, стал читать. Постепенно лицо его мрачнело все больше и больше.

– Та-ак, – протянул сердито генерал, снимая очки. – Киреев... Неужели правда?

– Я из Скворцова показания на Доната Максимовича насильно не тянул, – сказал Ветлугин. – Директор сам разоткровенничался.

Когда касалось чести работников милиции, даже малейшие нарушения вызывали у Анатолия Филипповича болезненную реакцию, а тут такое...

– Хохлова проинформировали? – спросил он.

– Тут же, – кивнул капитан.

– И как он отреагировал?

– Хохлов считает, что Скворцов врет. Клевещет... Одним словом, и слышать не хочет. Мол, зачем наводить тень на плетень...

– Не желает портить отношения с Киреевым? – поднял недовольно брови Рунов.

– Я думаю, еще больше – с тестем Киреева.

– А вы-то сами верите показаниям Скворцова? – в упор посмотрел на Ветлугина генерал.

– Анатолий Филиппович, при чем здесь верю или не верю? Пока это только слова. Нужны факты. Но раз есть такие серьезные показания, требуется тщательная проверка. Отмахнуться от признаний Скворцова... – Он покачал головой. – А если все это соответствует действительности?

– Неужели начальник ОБХСС взяточник? Этого только не хватало!

– Если замнем – грош нам цена, – вздохнул Ветлугин.

– Хорошо, Владимир Иванович, оставьте дело. Посоветуюсь с прокурором области. Решим.

– Что доложить Хохлову?

– Я сам позвоню ему, – сказал начальник УВД области, давая понять, что разговор окончен.

...Но прежде чем связаться с Хохловым, Анатолий Филиппович позвонил мне.

Мудрить, собственно, было нечего: сам бог велел проверять факты в отношении начальника ОБХСС нам, прокуратуре области.

На том и порешили.

Старший следователь облпрокуратуры, младший советник юстиции Николай Павлович Шмелев производил впечатление тугодума. Но если уж и была у него какая-то отличительная черта характера, так это обстоятельство. «Копал» он обычно медленно, зато уж никакого, даже малюсенького, белого пятнышка при расследовании не оставалось. Не было случая, чтобы дело, проведенное Шмелевым, суд вернул на дополнительное расследование.

Николай Павлович достиг пенсионного возраста, жил бобылем. Увлечение выбрал под стать своей натуре – все время, остающееся от работы, отдавал собиранию редких и старинных книг. Словом, библиоман. Хотя этого термина Шмелев не переносил. Именовал себя по-русски: книголюб. Самым ценным подарком для себя почитал томик издания этак двухсотлетней давности, с пожелтевшими страницами и изъеденным переплетом. Возиться с такой книженцией, приводить ее в божеский вид было для следователя истинным наслаждением. Николай Павлович имел дома соответствующий станочек и другой инструмент. Зная его хобби, знакомые обращались с просьбой привести в порядок пришедшую в ветхость любимую книгу – и никогда не слышали отказа. К переплетным работам он относился с таким же тщанием, как и к своему основному занятию – следствию.

Впрочем, неизвестно еще, что Николай Павлович больше любил в жизни...

Приняв к производству дело, Шмелев решил провести допрос коммерческого директора «Детского мира». Сковорцов находился под стражей, а потому первая встреча произошла в следственном изоляторе.

Обвиняемому было сорок с небольшим. Его привели в щегольской комбинированной сорочке, за которыми охотятся самые отчаянные модники, фасонистых импортных брюках и туфлях. Но выглядел он каким-то помятым, опущенным, на лице – заметная щетина. Конечно, следственный изолятор не санаторий. Но некоторые в нем ухитрялись оставаться подтянутыми, словом, следили за собой. Таких раскалывать – семь потов сойдет. А вот что касается Сковорцова, сразу видно: поставил на себе крест. Шмелев назвал себя, сказал, что ему поручено следствие по фактам, сообщенным им, Сковорцовым, на прежних допросах.

– Сперва, Владлен Карпович, я хотел бы услышать, – начал Николай Павлович, – что толкнуло вас проверить махинацию со школьными формами? Знали же, что идете на преступление.

– Разрешите закурить? – попросил Сковорцов.

– Курите...

– Я вижу, вы воевали, – сказал подследственный, прикуривая дорогую сигарету от иностранной зажигалки.

На пиджаке следователя красовались три ряда орденских колодок.

– Воевал, – кивнул он.

– Я хоть и не воевал, но служил, – продолжал Сковорцов. – Армия тогда армия, когда идут в ногу. Не так ли?

– Дважды два... – чуть усмехнулся следователь.

– Да и на гражданке, если что и может получиться, только когда общество тоже шагает дружно. На самом же деле? Сверху нас призывают: перестраивайтесь! Одни послушались призыва, перестраиваются, а другие? Как жили прежде, так и живут. Верно?

– Допустим, – сказал Шмелев, не зная, куда клонит подследственный.

– Выходит, шагаем-то вразброд! Я хочу жить честно, а мне не дают.

– Кто?

– Скорее уж – что. Система! Да-да, наша административно-командная система, которой перестройка не коснулась ни на йоту! – показал кончик мизинца Сковорцов. – Представляете, еду за товаром, а мне от ворот поворот. Нету! Простите, чем же торговать? План летит, премия горит, люди разбегаются... Вы знаете, сколько не хватает работников в сфере торговли только в Южноморске?

– Знаю – много.

– Но кого это интересует? Никогошеньки. Как и то, откуда мне взять товар. Покупателям – вынь да положь. И коллективу... Иначе такой коммерческий директор не нужен. Вот и ломаешь голову, как выкрутиться. Поневоле вспомнишь застойные времена. – Сковорцов горько усмехнулся. – А по сути – ушли ли они? – Он посмотрел на следователя и, не услышав ответа, продолжил: – Короче, пришлось сделать так, как делалось и раньше. Кругленькую сумму на лапу – и дефицит тебе тут как тут! В данном случае – школьная форма. Вы можете спросить, откуда у меня деньги для взятки? Отвечу: печатного станка нет. Зарплата – смех. А тут подвернулись кооператоры, предложили, ну я и... – Сковорцов вздохнул. – Скажите, а как можно иначе? Что мне было делать?

– Прежде всего – задуматься. Ведь не в джунглях живете. Или никогда не слыхали про такие органы, как народный контроль, ОБХСС, прокуратура, суд? Советская власть существует...

– Да-да, и уже много лет, – усмехнулся Сковорцов. – Восьмой десяток разменяла. А спекулянтов, воров, взяточников поубавилось? Увы! Судя по газетным выступлениям, год от года даже больше становится. Почему так происходит, Николай Павлович, объясните?!

– Целые институты ломают голову, а вы хотите, чтобы я сразу, одним махом...

– Ну тогда я вам скажу! В органах, которые вы назвали, служат люди, а не ангелы, как нам вдалбливали всю жизнь. Обыкновенные смертные. А они везде разные. И в торговле, и в милиции. Но, как сказал Жванецкий, что стережешь, то и имеешь... Возьмите Киреева. Закон для него – как собственная овчарка: на кого хочет, на того и науськает.

– Почему вы пришли к такому выводу?

– А к какому же я, простите, должен был прийти? – негодовал обвиняемый. – Я-то здесь, а он наслаждается волей. Хотя такой же преступник, как и я. Да-да, преступник! Но вас это почему-то не касается...

– Следствие только началось, – пожал плечами Шмелев. – Исходя из презумпции невиновности, никто не имеет права считать его преступником.

– А меня можно? – по-наполеоновски сложил руки Сковрцов. – Выходит, эта самая презумпция одна для меня, работника торговли, а другая для начальника ОБХСС? Странно получается, гражданин следователь.

– Если вина Киреева будет доказана, – начал было Николай Павлович, но Сковрцов запальчиво перебил:

– Ага! Акта, составленного Киреевым, оказалось достаточно, чтобы меня упечь в катажку, а моих показаний недостаточно, чтобы посадить его в соседнюю камеру! Но между нами нет никакой разницы!

– Есть. Вам предъявили обвинение – вы признали себя виновным, – невозмутимо произнес следователь. – А Киреев...

– Предъявите и ему, – снова перебил Сковрцов.

– Доказательства?

– Их навалом! Ваш Киреев берет с каждого. Слышите, с каж-до-го! Всех обложил данью. Магазины, ателье, столовые. Ни одного шашлычника не обошел стороной. А теперь кооперативы появились. Вот уж где раздолье для киреевых!

– Можете назвать конкретно, с кого, когда и сколько он брал?

Сковрцов вдруг поник, словно из него выпустили пар.

– Нет, – произнес тихо.

– А откуда у вас такие сведения?

– Не беспокойтесь, сведения самые точные, – негромко, но твердо произнес обвиняемый. – Из надежных источников.

– Назовите их.

– А это уж увольте, – решительно заявил Сковрцов. – У нас, в торговле, свои правила игры, и я их нарушать не буду. Я отвечаю лично только за себя. Играю с вами честно: что касается моих грехов – весь как на ладони. Ничего не скрыл.

– А скрывать и не было смысла, – заметил следователь. – По документам все ясно. Никуда не денешься – подписи ваши... Хорошо, вы сами Кирееву давали?

– Ему в руки – нет. А вот для него передавал. Правда, всего один раз.

– Уточните: когда, через кого, сколько?

– Когда? – тяжело вздохнул подследственный. – В декабре прошлого года. Всего месяц прошел, как меня назначили коммерческим директором. И тут заявляется шестерка Киреева – старший опер Ларионов.

– Имя-отчество помните?

– Станислав Архипович... Так вот, представился, значит, он, разговорились. Согрелись коньячком. За знакомство как бы. Он и говорит: дочери его начальника требуется дубленка. Требуется так требуется, хотя ума не приложу, зачем она при нашем-то климате... Пошли на склад, выбрали. Бельгийскую. Сорок четвертый размер. Завернули, как положено. Я жду, когда Ларионов рассчитается. Держи карман шире!... Когда он ушел, мне популярно растолковали,

что к чему. Сказали, что еще дешево отделался. Но радоваться было рано. Недельки через две снова пожаловал Ларионов. Я опять выставил марочный коньяк. Одной бутылки ему мало. Вторую раскупорили. И вдруг этот молокосос заявляет, что я должен ежемесячно вручать ему для его начальника три тысячи рублей... Представляете, три тысячи! В месяц! Я возьми да ляпни: «А не жирно ли будет для твоего Киреева?» Ларионов говорит, что Донату Максимо-вичу будут доставаться из них крохи: львиная доля пойдет наверх, аж до самой Москвы...

– Ларионов назвал, кому именно?

– Что он – дурак? – хмыкнул бывший коммерческий директор. – Да и мне много знать за ненадобностью... Короче, я возмутился. Ну и рубанул сплеча: никаких тысяч отстегивать не буду!.. Действительно, почему? Тут, понимаешь, ночами не спишь, мучаешься, как, что и откуда, а эти кровососы... – Он хрустнул пальцами и замолчал.

– Ну и что же дальше?

– Ларионов аж побагровел. Говорит, пожалеешь, начальник не любит, кто против течения, и ничего не забывает... Ушел. – Скворцов снова замолчал.

– И чем все кончилось?

– Тогда – ничем. Правда, пару раз Ларионов приходил со своими коллегами с проверкой. Но ничего интересующего их не нашли.

– Не смогли или не захотели? – внимательно посмотрел на Скворцова следователь.

– Не захотели, – осклабился тот.

– За здорово живешь? – с сомнением произнес Шмелев.

– У «Киреева и К^о» так не принято. Свое он имел.

– Все-таки давали? – настаивал следователь прокуратуры.

– Я – нет. Но это не значит, что не давали другие, – уклончиво ответил обвиняемый.

Здесь таилась какая-то непонятная комбинация, поэтому Шмелев строго сказал:

– Послушайте, Владлен Карпович, вы же сами уверяли, что передо мной – как на ладони.

Скворцов некоторое время колебался, затем со вздохом проговорил:

– Ладно. Начистоту так начистоту. Но только не для протокола. Идет?

– Слушаю.

– Знаете, почему я здесь перед вами? – понизив голос, произнес бывший коммерческий директор. – Потому что компаньоны мои скиксовали.

– Кооператоры, что ли? – уточнил следователь.

– Они. Обещали прикрыть тылы своими силами. Ну, отстегнуть Кирееву. Как раньше делали. Но пожалели, наверное. А этот вампир и впрямь ничегошеньки не забывает.

...Что касается протокола допроса, тут Скворцов проявил невероятную дотошность. Цеплялся к каждому слову. Расписался он на листах дела лишь тогда, когда все его замечания и дополнения были зафиксированы со скрупулезной точностью.

Киреев пребывал в прекрасном настроении – отлично провел время на даче в горах в обществе начальника главка одного из влиятельных ведомств в Москве. Белая «Волга» майора, покинув прохладное ущелье, вылетела на оживленные, несмотря на глубокий вечер, улицы Южноморска. Шофер привычной дорогой вез Доната Максимовича домой, встречные инспектора ГАИ, как всегда, брали под козырек.

Уже на родной улице Киреев вдруг вспомнил, что обещал Зосе навестить ее родителей: теща прихворнула. Но закрутился и забыл.

«Теперь уже поздно, – с огорчением подумал он. – Ладно, заеду завтра».

И тут раздался зуммер радиотелефона.

– Киреев слушает, – поднял он трубку.

– Говорит полковник Дойников, – послышался знакомый голос заместителя начальника УВД области. – Сообщаю, что операция «Прибой» начнется завтра в девять ноль-ноль. Как поняли?

– Понял, товарищ полковник, – откликнулся Донат Максимович. – Операция «Прибой» начинается завтра в девять ноль-ноль.

– Общее руководство осуществляет сам генерал Рунов, – продолжал четким, без всяких эмоций голосом Дойников. – Вам надлежит к назначенному времени быть вместе с оперативным составом в полной готовности. Конкретные указания – что и кого проверять – получите непосредственно перед началом операции. За утечку информации начальники подразделений несут персональную ответственность. – Полковник выдержал паузу, чтобы, вероятно, начальник ОБХСС осмыслил приказ, и в заключение спросил: – Все понятно?

– Так точно, товарищ полковник.

– До свидания.

– До свидания, – положил трубку Киреев. И скомандовал водителю: – Разворачивай.

– В управление? – вопросительно посмотрел на патрона шофер.

– Сначала в «Аполлон».

Савельева встретила позднего гостя в своем салоне настороженно.

– Что-нибудь серьезное? – спросила хозяйка «Аполлона», когда Киреев развалился на диванчике.

– Очень, – кивнул он. – Главное – срочно.

– Свистать всех наверх! – возбужденно заходил по своей жердочке Чико, распушив хохолок.

– Господи! – уставился на попугая Донат Максимович. – Честное слово, готов иной раз поверить, что он был когда-то человеком.

– И весьма неглупым, – рассмеялась Капитолина Алексеевна, а затем озабоченно добавила: – Ну, выкладывай.

– Нужно кое-что передать боссу, – начал Киреев.

– Хорошо, – кивнула Савельева. – Сегодня, правда, я не смогу связаться с Совой.

– Нет, обязательно сегодня. Сейчас!

– Ладно, – после некоторого размышления согласилась Капочка...

* * *

Стоит отлучиться буквально на два дня, как по возвращении тебя ожидает куча дел, разгрести которую удастся, просидев неделю на работе допоздна. Так случилось, когда я вернулся с зонального совещания.

Утром я прибыл на службу и тут же столкнулся у подъезда со своим заместителем Алексеем Алексеевичем Гурковым. Не успели мы поздороваться, как он с ходу обрушил на меня ворох вопросов, которые требовали незамедлительного решения. Гурков выложил их за то время, пока мы шли с ним в мой кабинет. Но и там Алексей Алексеевич продолжал делиться новостями:

– А уж сколько звонков было – словно прорвало. И каждый непременно желал переговорить лично с вами.

В голосе Гуркова послышались знакомые нотки – некоторая обида. Я понимал: задето его самолюбие. Он метил на освободившееся место областного прокурора, но назначили не его, а меня. Поговаривали, что Алексей Алексеевич до сих пор не может успокоиться, что его обошли...

– Откуда звонили? Кто? – спросил я.

– Из горкома несколько раз, – загнул палец мой зам. – Голованов... Из прокуратуры республики, – загнул он второй палец. – Помощник Генерального прокурора... Спецкор центральной газеты. Мелковский, кажется, его фамилия... Заместитель министра внутренних дел Союза...

Пальцев на руках Алексея Алексеевича не хватило – меня добивались двенадцать человек.

– Слава богу, не чертова дюжина, – заметил я с улыбкой.

А сам невесело подумал: наверняка многие звонившие хотели попросить устроить домоладцев или кого-нибудь из знакомых в гостиницу, пансионат. Подобные просьбы сыпались как из рога изобилия в преддверии бархатного сезона. Буквально перед отъездом меня замучили подобными звонками, раздававшимися по несколько раз в день. Будто я не прокурор, а диспетчер курортного бюро...

Отказывал всем. Уверен, что многих обидел. Но как быть иначе? Дать обещание – значит идти к кое-кому в Южноморске на поклон. Мне навстречу пойдут с удовольствием, но тогда прощай независимость: обратят в одночасье.

– Если вам неудобно, направляйте ко мне, – предложил как-то Алексей Алексеевич. – Я всегда готов помочь.

– Можно подумать, что у вас нет других дел, – заметил я.

И больше эту тему не затрагивал...

– Вы в курсе, почему на меня такой спрос? – поинтересовался я.

– По-моему, большинство звонили по поводу Киреева, – ответил Гурков.

Это было странно. Когда я уезжал два дня назад, дело начальника южноморского ОБХСС только-только разворачивалось.

– Что случилось? – удивился я. – Его взяли под стражу?

– Нет-нет, – испуганно проговорил Алексей Алексеевич. – Кто бы решился дать санкцию? – Он помялся и добавил: – Между прочим, и вам советую: поосторожней. Самое милое дело – спихнуть расследование в прокуратуру города, а еще лучше – в прокуратуру республики. Как еще обернется – бабка надвое сказала, а нам жить в одном городе с Киреевым и с его тестем...

У меня заныло в загрудье – признак поднимающейся злости.

Ох уж этот Гурков! Он всегда отличался большим мастерством в «спихотехнике». Но как это можно, чтобы зампрокурора области, старший советник юстиции, боялся начальника ОБХСС города?

Я не успел ответить – зазвонил аппарат ВЧ. Чисто и звонко. Это была Москва, заместитель министра внутренних дел. Он и вчера звонил, в мое отсутствие. Заместитель министра начал издали, о зональном совещании, где выступил его шеф. Пришлось поддержать в общем-то пока ни к чему не обязывающую тему. Я сказал, что патрон его выступил очень даже нестандартно (я не лукавил, это действительно было так). Наконец мой собеседник спросил:

– Что это вы там устроили проверку нашему работнику, Захар Петрович? Я говорю о Кирееве...

Почему-то он избежал слова «следствие».

– Не проверку, возбудили дело, – поправил я.

– И что установили? – продолжал замминистра уже не так любезно.

– Пока ничего не могу сказать. Идет следствие.

– Кто ведет?

– Очень опытный товарищ.

– Вы ему доверяете?

Это уже начинало походить на допрос...

– Не доверять нет оснований, – ответил я официальным тоном.

– Так что, Киреева уже взяли под стражу?

Я почувствовал недобрые нотки в голосе собеседника.

– Нет. И по-моему, он даже не отстранен от работы. – Гурков кивнул мне. – Могу точно сообщить: пока при должности.

– Захар Петрович, – неожиданно сменил интонацию заместитель министра, – прошу учесть, что товарищ Киреев недавно получил знак «Отличник милиции». А просто так у нас работников не отмечают. Заслужил, значит. Словом, очернить человека просто, а вот потом ему отбеливаться будет ох как трудно. Не наломать бы вам дров...

– Постараемся не наломать, – заверил я замминистра.

Он просил держать его в курсе...

«Я предупреждал вас, Захар Петрович», – словно говорил взгляд Гуркова.

Обсуждать с ним разговор с замминистра у меня не было желания.

Снова защемило грудь. Боже мой, как еще далеки наши декларации от воплощения в жизнь!

«Покончим с телефонным правом! Защитим авторитет и независимость работников правопорядка!»...

Я вспомнил вопрос, который задал один из моих коллег на зональном совещании: когда наконец выйдет закон о защите следователей и прокуроров, когда их перестанут дергать и дадут возможность отправлять свои служебные обязанности исключительно на основании законов? Ответ из президиума прозвучал такой: вот-де построим правовое государство, тогда и наступит золотое время безупречной и неприкасаемой юстиции...

Когда же придет это царство законности?

Я вызвал через секретаршу Шмелева с материалами по делу Киреева. Как только следователь переступил порог кабинета, Гурков заторопился:

– Захар Петрович, у меня, понимаете, назначено совещание. Разрешите идти?

– Да-да, идите, – кивнул я.

Мой зам шарахался от всего, что было связано с начальником городского ОБХСС, как от чумы.

По виду Шмелева никогда нельзя было определить, успешно движется дело или нет.

– Что новенького? – спросил я у Николая Павловича. Тот разложил бумаги, взял в руки видеокассету.

– Знаете, Захар Петрович, может, я поставлю? – показал он пластмассовую коробочку. – Так сказать, увидите предметно.

– Очень даже хорошо.

– Ну а потом мы обсудим...

Он включил телевизор, вставил кассету в видеоприставку. Слава богу, система работала. Это была наша, отечественная «Электроника». Год, как приобрели, а уже несколько раз вызывали мастера. Спасибо, хоть такая имелаась. Об импортной даже мечтать не приходилось.

Вообще-то, наши следователи прибегали на допросах к видеозаписи не очень охотно. На заре XXI век, а пользуемся в основном средствами времен Ивана Калиты... А вот Шмелев, хоть и ветеран прокуратуры, не упускал случая применить технические новшества.

– Всё Скворцова потрошили? – поинтересовался я.

– Нет, еще один данник Киреева, – пояснил следователь. – Директор магазина «Дары юга».

На экране возникло знакомое усатое лицо. Агеева я встречал несколько раз на заседании горисполкома, хотя знакомы лично мы не были. Судя по обстановке, допрос велся в кабинете Шмелева.

«... – Что ж получается, – бубнил директор. – Я, значит, выложу вам все начистоту, а вы меня того... – Он сделал жест рукой, будто бы что-то схватил.

– Я, кажется, внятно объяснил, – втолковывал ему Шмелев. – Если вы давали взятки в результате вымогательства, то в ваших действиях нет состава преступления.

– Мягко стелете, Николай Павлович, – с подозрением смотрел на следователя Агеев.

– Экий вы Фома неверующий, – покачал головой следователь, раскрывая книгу в колен-коровом переплете и кладя перед допрашиваемым. – Читайте сами. Статья сто семьдесят четвертая... А вот комментарий к ней.

Агеев взял кодекс и стал читать, отстранив на расстояние вытянутой руки, – был, видимо, дальнотормим. Он молча шевелил губами, наморщив лоб, потом передал книгу Шмелеву.

– Поняли? – спросил тот.

– А что тут не понять, – вздохнул директор.

– Я хочу, чтобы вы хорошенько себе уяснили, – с нажимом сказал следователь. – От уголовной ответственности освобождается лишь тот, кто добровольно заявляет о случившемся! Понимаете, сам! И если у него вымогали. В противном же случае...

– Конечно, вымогали! – поспешно произнес Агеев. – Что я, дурак, буду сеять деньгами, яко пахарь? Буквально за горло взяли...

– Ну вот и расскажите подробнее.

– Понимаете, обэхаэсники начисто перекрыли кислород.

– В каком смысле?

– Попробуйте поработать, когда тебя проверяют чуть ли не каждый день, – с мукой в голосе проговорил директор овощного магазина. – Цеплялись к чему надо и не надо. У нас товар специфический, деликатный... Короче, не буду утомлять вас тонкостями нашего дела... Не торговля получалась, а сплошной убыток. Хоть увольняйся! Вот я и вынужден был давать взятки.

– Кому?

– Кому, – усмехнулся Агеев. – Кирееву.

– За что? Конкретно?

– За то, чтобы отстал. Дал наконец спокойно работать.

– И только?

– Ничего себе только! Вздохнули, можно сказать, свободно.

– И в какую сумму оценена услуга начальника ОБХСС?

– Три тысячи.

– Когда вы их ему дали?

– По сей день плачу ежемесячно три тысячи. – Агеев стряхнул с колен несуществующие пылинки. – Копейка в копейку.

– А кроме денег?

– Это само собой, – как о чем-то совершенно обыденном сказал директор. – Фрукты, овощи, консервы, коньяк, вино...

– Как вы ему это все передавали?

– Обычно он звонил и диктовал адрес: доставить то-то туда-то.

– А кто доставлял?

– Иногда шофер Киреева, но в основном мы.

– Кто это – мы?

– Чаще всего мой шофер Володя. Суслов его фамилия.

– На вашей служебной машине?

– Помилуйте, откуда у меня служебная? Личная! Иной раз я и сам подвозил.

– Можете вспомнить, кому предназначались эти подношения?

– Попробую, – потер лоб Агеев. – Самое свеженькое – буквально на прошлой неделе. Подвез прямо к поезду две корзины с фруктами и дюжину бутылок марочного вина. Вручил артисту Белову. Слышали небось о таком?

– А как же, – кивнул следователь. – На каждом углу афиши... Еще?

– Заместителю министра Воронову, – перечислял директор. – На дачу... Генералу Авдюшко в правительственный санаторий... Да разве всех упомянешь?

– Надо вспомнить, Сергей Фролович.

– Многих я не знаю. Некоторых вообще в глаза не видел.

– Как это не видели? – удивился Шмелев.

– Очень просто. Киреев называл по телефону гостиницу или санаторий, номер комнаты... А в другие города и вовсе неизвестно, кому и куда.

– Вы и туда посылали?

– Еще сколько! Ящиками. Через проводников. Мое дело было упаковать и подвезти к поезду. А что дальше – никогда не интересовался.

– И много вы передали Кирееву за все время, я имею в виду деньгами и натурой?

– Могу сказать. – Директор некоторое время смотрел в потолок. – Деньгами семьдесят две тысячи, ну а товара – тысяч на шестнадцать. Примерно...»

Шмелев, не тот, что на телеэкране, а находящийся в кабинете, остановил звукозапись.

– Хорошо подоил Агеева Киреев, – заметил я.

– Не беспокойтесь, директор внакладе не остался, – с усмешкой произнес следователь. – Киреев отработывал свой «гонорар». Наш дорогой директор умолчал о том, что начальник ОБХСС надежно прикрывал его самого и продавцов магазина. Если говорить об обсчетах и обвесах в «Дарах юга», это замять для Киреева – мелочи. Куда важнее было подстраховывать Агеева от плановых и не плановых проверок. Их только еще задумывали, а директор уже был в курсе. Ну и, сами понимаете, заранее готовился. Нагрянут проверяющие, а у Сергея Фроловича все в ажуре. Комар носа не подточит. Отсюда и грамоты, вымпелы, первые места...

– Шофера Агеева допросили? – поинтересовался я.

– А как же. Все подтвердил. Но больше патрона не сказал ни слова. Кстати, знаете, сколько отваливает ему Агеев? Восемьсот рэ в месяц!

– Восемьсот? – поразился я. – Доктора наук столько не получают.

– Вот именно. А у самого директора зарплата всего-навсего двести пятьдесят. Заковыристый ребус, верно? – прищурился Шмелев.

– Не простой, – согласился я. – А с шофером Киреева говорили?

– Еще нет. Считаю – рано. – Николай Павлович сменил видеокассету. – А сейчас, Захар Петрович, увидите миллионера. самого натурального...

– Кооператора, что ли?

– Индивидуал, – уточнил Шмелев. – Некто Ступак. Ну, тот самый, что имеет «роллс-ройс».

– Кто же не знает его роскошной машины?

– У Ступаков имеется и другая, «ягуар». Не менее роскошная. На «ягуаре» жена ездит. Оба приобрели патент на извоз.

На телеэкране возник трехэтажный особняк с колоннами и широкой лестницей, украшенной статуями под античность.

– Не дом, а дворец! – вырвалось у меня.

– Это не вся недвижимость Ступаков, – пояснил следователь. – Имеют еще четырехкомнатную кооперативную квартиру в Москве, дачу в Подмосковье, оцененную в триста тысяч, и более дорогую – в Крыму...

Он умолк, потому что на экране появился сам Ступак, сидящий напротив Николая Павловича у тяжелого старинного стола, отделанного резьбой. Оператор не удержался, чтобы не пройти панорамой по комнате. Антикварная мебель, хрусталь, на стенах ковры и гобелены. Люстра – как в Большом театре... Я понял: допрос происходил в особняке южноморского миллионера.

«... – Во что обходится вам один патент в год? – спрашивал Шмелев у Ступака, поджарого мужчины лет пятидесяти.

– Семьсот рублей, – ответил владелец шикарных лимузинов и дач.

– А какой доход вы получаете от извоза? Вместе с женой?

– Считайте, по четыре тысячи в месяц, не меньше. Ежели хотите знать точно, можете справиться в райфинотделе. Налоги мы платим исправно.

– Прилично, – протянул следователь. – Я знаю, что другие...

– Другие, товарищ следователь, – перебил Ступак, – на «жигулях» и «москвичах». Да и возят кого? Всякую шелупонь. Видали наши тачки? Клиента соответствующего обслуживаем. Сами понимаете какого. – Ступак похлопал себя по карману.

– Тачки, как вы говорите, действительно знатные, – согласился Шмелев и хитро прищурился. – Но вот, судя по спидометру, вы на них немного успели наездить. Откуда же такие доходы?

– Вот именно за то, чтобы милиция ко мне не приставала и не задавала, простите, таких ехидных вопросов, я и вынужден, подчеркиваю – вынужден был взять на «прокорм» Доната Максимовича Киреева, – с несколько нагловатой улыбкой ответил допрашиваемый.

– Поясните, пожалуйста, – вежливо попросил следователь, – что значит «на прокорм»?

– Пообещал вашему начальнику ОБХСС отваливать каждый месяц по четыре тысячи.

– И отваливали?

– Факт. Сказать по правде, получалось даже больше, – уточнил владелец лимузинов. – Платил аккордно, пятьдесят тысяч в год.

– А кроме этого что-нибудь дарили?

– Чего нет, того нет. Разве он спросил пару раз покататься на моих ласточках. Для форса. Ну это не в счет...»

Изображение задержалось, экран опустел.

– Да, техника у нас, прямо скажем... – покачал головой следователь. – Пришлось дальше вести допрос без видеозаписи. Но ничего интересного больше Ступак не показал.

Я недоумевал: какой резон был Ступаку, зарабатывая сорок восемь тысяч в год, отдавать Кирееву... пятьдесят? Работать себе в убыток?

– И вообще, почему он старается вас убедить, что зарабатывает много? – спросил я у Николая Павловича.

– Очень просто: оправдать, откуда у него такой дом-дворец и прочая роскошь.

– А на самом деле, откуда?

– Захар Петрович Ступак – картежный шулер экстракласса! Лобовик, по-ихнему. А лобовики эти играют даже не на тысячи – на миллионы! Все, что он имеет, выиграл в карты. Даже жену. – Шмелев достал из папки с делом фотографию. – Полюбуйтесь.

Я глянул на снимок: настоящая красавица. Молодая. Лет на двадцать пять моложе супруга.

– Ну и дела творятся у нас под боком! – не смог сдержать я негодования. – Что твой Монте-Карло! А милиция спит.

– Что они могут? – вздохнул следователь. – Если кого и ловят, то в основном щипачей. У лобовиков катраны так законспирированы, что иностранным агентам с их явками и не снилось! Понимаете, прижучить Ступака можно только в том случае, если на него поступит жалоба от лоха, ну облапошенного им. Но таких жалоб в органы не поступало. Я интересовался и в горууправлении, и в областном... Ступака не ухватишь! Свои не выдадут ни за что – он босс! И денег на общак не жалеет. По слухам, на съезд картежников в прошлом году отвалил сто тысяч.

– А мы о кооператорах говорим: мол, денежные мешки, – заметил я.

– Да они Ступаку в подметки не годятся. И уж коли зашел разговор о кооператорах... – Шмелев вставил новую видеокассету. – Посмотрим еще один допрос.

На экране появился сам Николай Павлович и полный мужчина восточного типа. Они сидели на балконе какого-то дома. На фоне склона горы и моря.

– Директор ресторана «Воздушный замок», – пояснил следователь.

Я вспомнил недавнюю историю с хулиганским нападением на кооперативный ресторан – она так и не прояснилась до сих пор.

«... – Нет, так работать невозможно! Совершенно! – темпераментно говорил экранный директор ресторана, жестикулируя волосатыми руками. – Все, распушу кооператив к чертовой матери!

– Почему? – интересовался следователь.

– Надоело! Всем нужно класть на лапу! – все более азартно продолжал Карапетян. – Санитарному инспектору дай, пожарному – дай, торговому – дай! Фининспектору дай!.. Но это еще не все! Председателя райисполкома накорми и напои, народный контроль требует, ОБХСС тоже. Хоть по миру иди!

– Что же вы такой покладистый, Сурен Ованесович? – покачал головой Шмелев. – Мало ли кто будет просить...

– Просить?! – прямо-таки взвился Карапетян. – Просят нищие да убогие. Эти же набрасываются, как шакалы! На части рвут! Кровь высасывают, как пиявки... И попробуй не дай!

– Пошлите их всех подальше, – посоветовал Шмелев.

– Вам легко говорить, – поник головой директор ресторана. – Посмотрели бы, во что превратили мой «Замок» на прошлой неделе! У меня волосы на голове дыбом встали! Сколько я туда сил и денег вложил! Всю душу, можно сказать, отдал, а они... – Он замолчал, печально устремив глаза вдаль.

– Так вы никогда не отделаетесь от нахлебников, – сказал следователь.

– А что делать? – в отчаянии спросил Карапетян.

– Помогите следствию, чтобы вывести всех вымогателей на чистую воду. Назовите их имена.

– Вах! – грустно усмехнулся Сурен Ованесович. – Я не враг себе! Вы запишете в свои протоколы, пойдете домой и будете спать спокойно. А что ждет несчастного Карапетяна?.. Дорогой Николай Павлович, у меня ведь есть жена, дочь. Кто нас защитит? – Он безнадежно махнул рукой. – Нет, пропади все пропадом! Заберу семью и уеду подальше отсюда!

– А преступники останутся на свободе и будут тянуть с других...

– Меня это не касается!

– Но ведь кто-то должен встать на защиту справедливости!

– Один уже встал, – хмуро произнес Карапетян. – Я имею в виду нашего дядю Михея. Он хотел помочь следствию – и где теперь находится? Его жена, бедная старушка, все глаза проплакала... Дядя Михей исчез – как в воду канул... Скажите, только честно, вы сможете убедить меня и моих близких? Можете дать гарантию, что с нами ничего не сделают? – Карапетян испытующе посмотрел на Шмелева и грустно заключил: – Вот видите, сказать вам нечего...»

На этом видеозапись допроса закончилась.

– О каком дяде Михее говорил Карапетян? – спросил я.

– Сторож платной стоянки у ресторана, – пояснил следователь. – Пронин. Пенсионер, инвалид войны. Он дал показания милиции о подозрительных людях, подъехавших к «Воздушному замку» перед самым погромом. Назвал номер машины, сказал, что сможет их опознать... И в ту же ночь пропал. Жена заявила.

– Ну и?..

– Угрозыск занимается. Но пока... – Шмелев развел руками.

– Так Карапетян давал Кирееву или нет?

– Вы же сами видели, Захар Петрович, директор ресторана не назвал ни одной фамилии, не привел ни одного факта. Хотя, по имеющимся данным, он давал взятки начальству ОБХСС, поил и кормил клиентуру Киреева.

– Здорово боится, – заметил я.

– Не то слово! – вздохнул следователь. – Не хотелось бы мне быть на его месте! Ведь что самое страшное – на самом деле никто не может дать ему никакой защиты и гарантии от повторного хулиганского нападения. – Шмелев махнул рукой. – И я сидел как оплеванный.

– Видел, – кивнул я на потухший экран телевизора.

– Что получается, Захар Петрович? Вот пресса шумит о правах обвиняемых, о допуске адвоката к следствию в самом начале... В общем-то правильно ставят вопрос... Но почему газетчики мало говорят о том, что потерпевшие тоже нуждаются в защите? Нужен закон, оберегающий их от вора, насильника, взяточника, рэкетира!

– Согласен с вами полностью, – кивнул я. – Но если бы принятие такого закона зависело от нас!.. Хочется надеяться, что доживем.

– Дай-то бог. – Николай Павлович сложил кассеты, затем извлек из папки еще один документ. – Последний допрос Ларионова. Шестерки Киреева, как сказал Скворцов... Вымогательство взяток у коммерческого директора «Детского мира» оперуполномоченный ОБХСС начисто отрицал. Признал лишь единственный факт – насчет детской дубленки. Да и ту он Кирееву не передавал.

– А для чего взял ее? – удивился я.

– По словам Ларионова, эта дубленка не подошла дочери Киреева по размеру. Ларионов принес ее домой. Жена увидела, говорит, давай, мол, померяем нашей девочке. Оказалось – в самый раз. Ларионовы оставили дубленку у себя, а Кирееву отдали за нее деньги... Вот такая история.

– Значит, деньги Киреев все-таки прикарманил, – заметил я.

– Выходит, так.

– Ну что ж, Николай Павлович, дело серьезнее, чем я предполагал, когда поручал вам следствие.

– Серьезней не бывает.

Шмелев протянул мне два документа. Один – постановление на производство обыска на квартире Киреева.

– Вы считаете, не рано? – спросил я, утверждая его.

– Вчера уже было поздно...

Другую бумагу – о взятии начальника южноморского ОБХСС под стражу – я пока не подписал.

– Смотрите, Захар Петрович, как бы не пришлось объявлять розыск. Ведь сбежит! – предупредил Шмелев.

– Вы же знаете мое правило, Николай Павлович, – напомнил я.

– Да, да, да, – спохватился он. – Допросите, прежде чем дать санкцию?

– Непременно. Давайте подумаем, под каким предлогом пригласить Киреева к нам в прокуратуру.

– Повод найдем, – пообещал следователь. – Только обязательно сегодня!

– Готов хоть сейчас.

Но «сейчас» не получилось. Меня срочно вызвали в горком партии. Разговор с начальником городского ОБХСС состоялся только во второй половине дня. После этого я и дал санкцию на его арест.

На Южноморск опустился вечер. Возле ресторана «Воздушный замок» сгрудились с десяток «жигулей» и «москвичей». Они приткнулись на обочине дороги, так как платная стоянка не функционировала. На ней лишь одиноко стоял «вольво» Карапетяна.

Сурен Ованесович вышел из своего заведения в сопровождении метрдотеля Леониди, нагруженного коробками.

– Смотри, Костя, – наставлял его директор, – не забудь завтра подъехать на базу. Поступила импортная посуда. А то уже нечем сервировать столы. С заведующим я договорился.

– Будет сделано, – кивнул Леониди. – Эх, не вовремя уезжаешь, Сурен...

– Всего на два дня. Понимаешь, совсем нервы ни к черту! Съезжу в горы, подышу свежим воздухом...

Они подошли к стоянке. Карапетян сунул ключ в замок, но тот оказался незапертым.

– Странно, – покачал головой директор, распахивая ворота. – Лично сам закрывал...

– Плохо, значит, закрывал.

Карапетян оглядел свою машину – вроде все было в порядке. Открыл дверцу со стороны водителя и бросил связку ключей Косте.

– Ящики – в багажник.

Леониди подошел к задку «вольво», потянул носом.

– Откуда вонь? – огляделся он. – Собака, что ли, дохлая где-то?..

Костя отпер багажник и в ужасе отскочил.

– Долго будешь возиться? – проворчал недовольно директор ресторана.

Сдавленный крик метрдотеля заставил его выскочить из автомобиля.

– Там... Там!.. – показывал на открытый багажник трясущейся рукой Леониди.

Карапетян заглянул в него и в страхе отпрянул: в прозрачном пластиковом мешке лежал скрюченный человек. Его мертвые глаза смотрели на Сурена Ованесовича. Из ощерившегося рта вываливался почерневший язык, к которому была прикреплена бумажка. На ней крупными печатными буквами было написано: «Так будет с каждым, у кого он длинный!»

Это был сторож Пронин.

– Костя, – охрипшим голосом заорал Карапетян, – срочно звони в милицию!

Тот бросился к ресторану.

Несмотря на поздний час, в четырехкомнатных апартаментах Киреевых везде горел свет. То и дело звонили в дверь, надрывался телефон. Хозяйка квартиры, Зося, полулежала на роскошном кожаном диване в гостиной, заходясь в истерику.

– Гады! – кричала она. – Какое имели право?!

– Зосенька, милая, успокойся, – сидела возле нее главная администраторша Дома моделей Кирсанова.

– Какой позор! – билась о мягкую стенку дивана головой Киреева. – Бросить в каталажку, как последнего блатного! Что он, бандит, убийца?!

– Ну возьми же себя в руки, – уговаривал хозяйку Хинчук, нервно меряя шагами комнату. – Я уверен, Дона выпустят. И очень скоро. Поверь моему слову.

– Выпустят? Черта с два! – кричала убитая горем жена, отпихивая от себя рюмку с успокоительными каплями, которые пытался ей влить в рот адвокат Чураев.

– Выпейте, – умоляюще просил он. – Легче станет. Главное, что Донат Максимович жив и здоров.

– Лучше бы он умер! – гневно бросила супруга. – И я вместе с ним! На черта мне жить!

При этих словах двенадцатилетняя дочь Киреевых, вжавшаяся в кресло, с испуганными глазами, громко расплакалась.

– Настенька, не плачь, золотце ты мое! – бросилась к ней Марина Юрьевна. – Пойдем-ка лучше в твою комнату. – И она увела всхлипывающую девочку, тщательно прикрыв за собой дверь.

Попугай забился под телевизор, в страхе наблюдая за происходящим.

– Годами наживали, а теперь все это отберут! – причитала хозяйка дома, обводя рукой роскошную финскую мебель, ковры на стенах и полу, штучной работы дорогие охотничьи

ружья, красующиеся в шкафу за стеклянной дверцей, горы хрустали и серебряной посуды, выставленной на полках стенки, японскую радиоаппаратуру с названиями самых известных фирм.

Позвонили в дверь. Открывать пошел Хинчук и скоро возвратился.

– Геннадий Трофимович... – негромко объявил он.

И уже в комнату солидно вступал отец Зоси, встревоженный, но при этом величественный, со значительной миной на лице. Геннадий Трофимович Печерский был председатель Южноморского горисполкома.

– Наконец-то появился! – зло бросила ему дочь. – А еще тесть называется! Весь город звонит. Волнуется. Люди посторонние переживают. Вот пришли без всякого приглашения. А ты...

– Зосенька, – начал было миролюбиво отец, но она его перебила:

– Кто вчера уверял меня, что Дона пальцем не тронут? Кто?

Геннадий Трофимович растерянно огляделся – присутствующие старались не смотреть ни на него, ни на Зою, но ему было не по себе: выслушивать упреки при посторонних, пускай даже от родной дочери...

– Пойдем спокойно потолкуем, – предложил отец миролюбиво, направляясь к двери.

– Иди, иди, – тихонько подтолкнула подругу Марина Юрьевна.

Зоя повиновалась.

Разговор с отцом состоялся в спальне. Интимный уголок Киреевых был обставлен не менее шикарно, чем гостиная. Спальный гарнитур из карельской березы, во весь пол вьетнамский ковер ручной работы, на стене – текинский. На нем разместились великолепная коллекция старинного кавказского холодного оружия. Ножны кинжалов и шашек были отделаны серебром, узорами, эмалью и полудрагоценными камнями.

На тумбочке у двухспальной кровати стоял телефонный аппарат в стиле ретро.

– Понимаешь, мне твердо обещали замять, – понизив голос, с ходу начал Геннадий Трофимович.

– Ничего себе – замяли! – всплеснула руками дочь. – Заманили Дона в областную прокуратуру, надели наручники, бросили в воронок и – в тюрьму! К уголовникам!

У Зоси вновь хлынули слезы из глаз.

– Ну-ну, – положил ей руку на плечо отец. – Не заводись.

– Посмотреть бы на тебя, если бы к тебе ворвались с обыском! – зло сбросила его руку Зоя. – А понятыми знаешь кто были? Сосед и соседка снизу! Мымра, которая меня ненавидит. О-о! – трагически протянула дочь. – Представляю, с каким злорадством сейчас обсуждает нас весь дом!

– Плюнь ты на соседей, – бодрячески посоветовал Геннадий Трофимович. – На чужой роток...

– И это говоришь ты! – аж задохнулась Зоя. – Ты, мой отец! Как ты мог допустить до такого срама? Мало того что обшарили везде, так еще вещи описали! Даже это. – Она распахнула дверцы платяного шкафа, плотно увешанного одеждой.

– Это уж слишком, – побледнев, охрипшим голосом проговорил отец.

Но дочь, казалось, не слышала его. На нее опять накатил приступ истерики. Сдернув с вешалки парадный мундир мужа, она пыталась порвать его. Но ничего не выходило. Тогда Зоя сорвала со стены клинок и принялась остервенело кромсать гордость мужа.

– Ты с ума сошла! – бросился к ней отец.

– Не хочу видеть! Не хочу! – повторяла Зоя, терзая мундир. – И пусть вся проклятая милиция провалится в тартарары! Вся!

Геннадий Трофимович остолбенело смотрел, как летели на ковер куски материи, погоны, сверкающие пуговицы. Он понял, что дочери нужно выместить на чем-нибудь свою ярость.

И действительно, когда от парадной формы остались одни лоскуты, Зося повалилась ничком на гобеленовое покрывало постели и тихо завывала. Сквозь всхлипывания пробивались лишь отдельные слова:

– Я... Я... Говорила... Дону... Заложат... Не связывайся... С-с милицией... Вот... Получил...

Отец сел рядом, сложив на коленях руки. Дотрагиваться до дочери он не решился.

– Ладно, мы еще увидим, – сурово погрозил он кому-то.

– Э-эх, молчал бы! – утирая обеими ладонями лицо, поднялась с постели Зося. – Даже этого фанатика, садиста Шмелева, и того не мог отстранить...

– Как? Не убрали? – нахмурился Геннадий Трофимович. – А ведь дали слово...

Киреева смерила отца презрительным взглядом, подошла к двери, приоткрыла ее и крикнула:

– Марина, прошу, принеси газету!

Через мгновение в дверь протянулась рука с газетой.

– На, полюбуйся! – швырнула в отца Зося ею. Газета распласталась на полу. Геннадий Трофимович поднял ее, пробежал глазами все полосы. Со второй на него глянули три снимка следователя Шмелева: поясной портрет; фотография, изображающая Николая Павловича дома со своей любимой собакой; и, наконец, в молодости. На последней он, бравый офицер, при орденах, был снят с фронтовым товарищем, таким же улыбающимся молодым.

Пространный очерк на весь подвал вершал заголовок: «Покой нам только снится».

Геннадий Трофимович посмотрел на дату.

– Сегодняшняя, сегодняшняя! – зло проговорила Зося. – Расписали как былинного героя. На всю область расхвалили.

Печерский скомкал газету, отшвырнул прочь. Его лицо стало каменным, властным. Он решительно снял телефонную трубку, набрал номер.

– Миша?.. Да, я... Слушай, хочу сейчас подъехать к тебе. – Он хмуро вздохнул. – Какой преферанс!.. Дело, брат, неотложное... Не телефонный разговор... Еду.

Геннадий Трофимович встал.

– Вот что, – проговорил он голосом, от которого, наверное, трепетали его подчиненные, – прекрати распускать нюни. Не роняй себя перед людьми.

И вышел из комнаты.

* * *

В конце обеденного перерыва в кабинете Игоря Андреевича Чикурова, старшего следователя по особо важным делам при прокуроре РСФСР, набилось человек пять. Хозяин комнаты сражался в шахматы с коллегой. Трое остальных были болельщиками. Играли блиц. Чикурову явно не везло. Раздался телефонный звонок.

– Игорь, – послышался едва заметно грассирующий голос начальника следственной части прокуратуры Олега Львовича Вербикова, – загляни ко мне.

– Имею еще семь минут законного отдыха, – посмотрел на часы следователь. – Понимаешь, тут у нас турнир века...

– Срочно...

– Потом доиграем, – поднялся Чикуров.

Его обвинили в дезертирстве. Шутливо, конечно. Все разошлись.

Идя к начальству, Игорь Андреевич подумал о том, почему он не силен в блице. И пришел к выводу – таков уж у него склад мышления. Привык к «нормальным» шахматам, где ценится умение глубоко и тщательно обдумывать ситуацию и рассчитывать ходы вперед. А что касается блица – он, видимо, лучше подходит оперативникам...

– Проиграл? – с улыбкой встретил следователя Олег Львович.
– Еще бабка надвое сказала. Отложили...
– Думаю, о-очень надолго, – протянул Вербиков. Чикуров понял: снова дорога, разлука с Андрюшкой – сыном...
– Куда? – с кислым видом спросил он, устраиваясь напротив начальника следственной части.
– Зря хмуришься, – покачал головой тот. – Не командировка – мечта! Южноморск...
– Спасибо за заботу, – не скрывая иронии, проговорил Чикуров.
Его бы сейчас не обрадовала поездка и на Гавайские острова...
– Понимаешь, – уже серьезно продолжил Вербиков, – областная прокуратура возбудила дело против тамошнего начальника городского ОБХСС. Майора...
– Майора? – хмыкнул Игорь Андреевич. – Что, сами не могут справиться?
– Тут, видишь ли, такая штука: наше руководство забомбардировали со всех сторон звонками. Будто этот Киреев, ну, майор, безгрешен, как ангел, следователь необъективен, а прокурор области – он на своем посту без году неделя – попал под влияние следователя. Словом, проявил беспринципность. Мы подумали и решили бросить тебя, чтобы отогрелся после архангельского дела. – Олег Львович снова перешел на шутливый тон. – Радуйся, брат, едешь в самый шикарный сезон, бархатный!
– Прямо сегодня?
– Сейчас. Самолет в восемнадцать двадцать пять. С билетами, кажется, утрясли, машина внизу...

Чикуров прикинул: пока доберется домой в Бабушкин, потом во Внуково... Надо гнать, чтобы успеть.

Вербиков тоже это понимал и поэтому быстро закончил разговор. Минут через пятнадцать Игорь Андреевич уже мчался в машине, с грустью размышляя о том, какое трудное объяснение предстояло с женой.

Надежда... Встретились они лет десять назад, когда она рассталась с первым мужем. В то время Надя была какая-то растерянная, издерганная. Игорю Андреевичу тогда показалось, что ей нужно было просто к кому-нибудь прислониться. Дело осложнялось тем, что ее сын Кеша обожал отца (впрочем, обожает и до сих пор) и встретил появление в жизни матери Чикурова открытым сопротивлением. Восемь лет (целая вечность!) ушли на то, чтобы Надя наконец согласилась выйти за Игоря Андреевича замуж. И лишь после того, когда, по ее мнению, она выполнила материнский долг перед сыном, женив его и дождавшись внуки. Пасынок отделился от них всего полтора года назад – Надя родила Андрюшку. Это, конечно, был подвиг. Решиться на такое в сорок два года может не каждая. Ну а стать отцом впервые в сорок шесть было для Чикурова неслыханной радостью. Он об этом не мог и мечтать, заранее согласившись на роль деда чужой внуки.

Рождение сына Игорь Андреевич воспринял как подарок судьбы. Господи, с какой бы превеликой охотой и отдохновением Чикуров отдавался бы весь его воспитанию, тетешкал бы Андрюху, который день ото дня становился все забавней и смышленей, открывая для себя мир и слова.

«Превращается в человека», – как сказала недавно со смехом Надя.

Но, увы, работа Игоря Андреевича была совсем неподходящей для такой благодати. Надя, так та ушла в семью полностью, обабилась (ее собственное выражение), что, с одной стороны, устраивало Чикурова, а с другой – создавало свои трудности. Невнимание к себе, в подавляющем большинстве случаев только кажущееся, жена воспринимала очень болезненно. Устраивала сцены: мол, когда была молода и красива, он ее на руках носил, а теперь...

Насчет красоты Надя была права: когда-то манекенщица, а потом художник-модельер Общесоюзного Дома моделей, она действительно сводила с ума мужчин. С рождением второго ребенка неожиданно для себя и для всех расплнела и утратила долго сохранявшуюся стройность фигуры. Это было для нее трагедией...

Когда он вошел в свою квартиру со следственным чемоданом в руках, Надя упавшим голосом произнесла:

– Опять?..

Игорь Андреевич виновато кивнул и полез к жене с поцелуем.

– Боже ты мой! – отстранилась она. – Сколько можно? У него зануло в груди: опять будет пилить. Хорошо, что подкатился косолапо Андрюшка, обхватил отцовские ноги, глядя на него радостно и преданно. Игорь Андреевич поднял сына на руки, поцеловал в пахнущую молоком макушку.

– Но ты же безвыездно проторчал целых полгода почти за Полярным кругом! – не уни-малась жена.

– А вот теперь в Южноморск, – улынулся Чикуров. – Посылают отогреться.

– Радуйся, радуйся, – тяжело вздохнула Надя, обреченно доставая чемодан. – Ну конечно, есть на ком ездить. Никогда не скажешь «нет». А ведь никому и в голову не приходит, что у тебя семья, ребенок.

– Надя, – попытался оправдаться Чикуров.

– Я уже более сорока лет Надя! – в сердцах выкрикнула она. – А вижу тебя месяц-полтора в году! До каких пор я буду мучиться?

– До моей пенсии. Увы, придется смириться, Надюша.

– Тебе легко говорить, – расплакалась жена. – Совсем обо мне не думаешь. Что я вижу в жизни? Стирка, уборка, очереди в магазинах! А ночи, что провожу у постели больного Андрея? Вспомни, что ты обещал, умолая выйти за тебя замуж...

Она уже рыдала навзрыд. Слезы падали на стопку сложенных в чемодан носовых платков, расплываясь в крупные пятна.

Что касается сына, Надя попала в самое чувствительное место. Мальчик на самом деле много болел. Поэтому его не отдавали в ясли, и Наде пришлось уйти с работы.

– Я тебя отлично понимаю, – проговорил Чикуров. – Но пойми и ты...

Но на жену не действовали никакие слова. Видя, что мать плачет, Андрюшка тоже распустил губы. Она прижала его к себе, стала успокаивать, успокаиваясь и сама. Собирать остальные вещи пришлось Игорю Андреевичу.

– Не забудь причиндалы для своего хобби, – напомнила вроде бы смирившаяся с неизбежным жена.

Он положил в чемодан пачку листов ватмана, набор цветных карандашей, захлопнул крышку и щелкнул замками.

– Посидим перед дорогой, – предложил Игорь Андреевич.

Надя с притихшим сыном опустилась на их старенький диван, Чикуров примостился рядом, оглядывая на прощание родной дом.

Заграничных гарнитуров они так и не нажили, ковров и хрусталя – тоже, в чем не раз упрекала его Надя. Стены украшали его собственные картины. По ним можно было проследить, куда забрасывала Чикурова его непоседливая служба. Грустные пейзажи Севера, яркие краски российского юга, степные просторы, таежные уголки...

Когда голова раскалывалась от напряженных круглосуточных раздумий и мозга, как говорится, заходила за мозг, Игорь Андреевич брал бумагу, карандаши и забирался подальше от людей. Для кого-то разрядкой являлся спорт, для кого-то садовый участок, а для Чикурова самым лучшим видом отдыха стала живопись...

– Ну, поехали, – поднялся он.

Надя, снова не сдержав недовольства, сказала:

– Надолго хоть? Небось опять на полгода?

– Откуда мне знать, моя терпеливая женушка? – Он чмокнул ее в щеку, а уж сына обещал всего.

– Звони, – были последние Надины слова.

Перед тем как сесть в машину, Игорь Андреевич еще раз глянул на свое окно. Сердце у него сжалось: до чего же было дорого прилипшее к стеклу лицо сына!

Вадим Снежков собирался выскочить из редакции, чтобы где-нибудь перекусить, но тут в комнату вошел ответственный секретарь областной газеты с пожилой женщиной, явно бывшей из деревни.

– Старик, вот, побеседуй с гражданкой, – попросил он.

– Но у меня обед, – поморщился Снежков.

– Выручи, Вадик. Человек издалека ехал...

«Трижды корреспондент» глянул на женщину, в чьих глазах стояла мольба, и обреченно махнул рукой:

– Так уж и быть...

Ответсекретарь с радостью передал посетительницу с рук на руки Снежкову и ретировался.

– Присаживайтесь, – сказал Вадим. – Что у вас?

Женщина осторожно пристроилась на кончике стула, вынула из потрепанной хозяйственной сумки газету и ткнула в очерк «Покой нам только снится».

– Хотела я, милоч, погутарить с этим самым И. Морозовым, что прописал про Шмелева, да мне сказали, что И. Морозов уволился.

– Уволили, – поправил Снежков.

– За что? – испуганно спросила посетительница.

– Было за что. Впрочем, это не имеет значения... Что вас, собственно, привело к нам?

– Козлова моя фамилия, Евдокия Андреевна. А это, – она показала на одну из фотографий, иллюстрирующих очерк, где следователь Шмелев был снят вдвоем с фронтовым другом, – мой Митя. – Женщина вздохнула. – Супруг, значит, законный.

– Ну и что? – нетерпеливо спросил Вадим.

– А то, милоч. Этот самый Шмелев жизнью наслаждается, в героях ходит, а Митины косточки давно сгнили. – Она всхлипнула. – Даже не знаю, где могила...

– Погиб, что ли? – помягчел Снежков.

– Если бы, – вздохнула Козлова. – Всю войну прошел целехонек, а в пятьдесят втором посадили. Десять лет дали. Через три года пришла похоронка из лагеря. – Евдокия Андреевна извлекла из сумки цветастый узелочек. – Все бумажки хороню, можете посмотреть...

– Потом, потом. А за что судили вашего мужа?

Евдокия Андреевна поведала Вадиму историю осуждения своего Дмитрия. Интерес к ее рассказу у Снежкова разгорался все больше и больше. Когда Козлова закончила, Снежков, не скрывая волнения, спросил:

– Вы уверены, что на снимке ваш муж?

– А кто же еще? – удивилась вдова. – Только глянула – сразу узнала.

– Можете подтвердить? – продолжал волноваться Снежков.

– Какая мне выгода врать, – обиделась Евдокия Андреевна. – Да ты сам посмотри, обманывает старуха или нет.

Она развязала узелок и среди пожелтевших от времени бумажек и истрепанных документов отыскала старую, выцветшую фотографию.

Снимок был копией того, что опубликовала газета.

Снежков просмотрел бумаги.

– Помоги, мил человек, – заметив неподдельный интерес к ним Вадима, взмолилась посетительница.

– Чем?

– Нынче многих, что в те времена осудили, риби... реба... Фу ты, никак слово не дается...

– Реабилитируют, – подсказал Снежков.

– Во-во! – обрадовалась Козлова. – Похлопочи и за Митрия. Век не забуду...

– Посмотрим, Евдокия Андреевна, – сказал Снежков. – Оставьте все ваши бумаги, я изучу, с юристами поговорю.

– Ой, спасибо, милоч! – растрогалась старушка. – Не знаю, как и благодарить.

– Благодарить рано, – скромно сказал Вадим. – Это такое дело.

– Знаю, как не знать! Спасибо, что приветил старуху да посочувствовал, – смахнула слезу. – Куда ни обращалась – даже слушать не желали...

Снежков сложил документы в стопочку, снова завернул в платок.

– Значит, оставляю у себя? – спросил он.

– Оставляй, родимый, оставляй. – Заметив, что Снежков взглянул на часы, она торопливо поднялась. – Поспешу домой, дочку обрадую. Доброго тебе здоровычка!

– До свидания, Евдокия Андреевна.

Уже в дверях обернулась:

– Когда справится можно будет?

– Сам сообщу, когда что-то прояснится, – успокоил Козлову Снежков.

– Ну и ладно, – кивнула посетительница и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

«Трижды корреспондент» тут же схватился за телефон и лихорадочно набрал номер.

– Юридическая консультация? – спросил он, когда услышал женский голос. И, получив утвердительный ответ, выпалил: – Аркадия Вениаминовича будьте добры! Чураева...

– Попробую, – ответили на том конце провода.

Пока вызывали адвоката, Вадим буквально горел от нетерпения. И когда наконец раздалось чураевское вальяжное «аллё-оо», он сумбурно рассказал о визите Козловой.

Аркадий Вениаминович выслушал его внимательно, задал несколько вопросов и с усмешкой произнес:

– Жаль, что ты не бреешься и не стрижешься... Действительно, Снежков оброс, как дикарь, считая это модным.

– И все же, старик, – продолжал Чураев, – тебе придется посетить Капочку. Чтобы она сообщила сведения, добытые тобою, Сове. Лично. Это очень важно.

– Бегу! – счастливо откликнулся Вадим.

– Впрочем, погоди, – задумался на некоторое время адвокат. – Лучше к Капе зайду я сам. Давай встретимся, заодно пообедаем. «Прибой» тебя устраивает?

– Еще бы! – с восторгом ответил Снежков, потому что речь шла об одном из самых шикарных ресторанов Южноморска.

– Обязательно прихвати документы этой женщины, – были последние слова Чураева.

* * *

Весть о том, что из прокуратуры республики к нам направляется следователь для ведения дела Киреева, меня не застала врасплох. После многочисленных звонков из Москвы и повышенного интереса к расследованию художеств начальника южноморского ОБХСС со стороны местных властей я ждал чего-нибудь в этом роде. Конечно, в известной степени нам выразили недоверие. Лично мне, как прокурору области, не говоря уже о Шмелеве. Но, хорошенько поразмыслив, я подумал: если это поражение, то нужно постараться обратить его в победу.

Следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Чикуров прилетел поздно вечером в четверг. Встречал его мой заместитель Гурков. На следующий день, придя в прокуратуру, я столкнулся с Алексеем Алексеевичем на лестнице и поинтересовался о Чикурове.

– Полный порядок, – отрапортовал Гурков. – Встретили, разместили. Более того, он уже здесь, дожидается в вашей приемной.

Алексей Алексеевич представил нас друг другу и удалился.

– Быстро же вы примчались, – заметил я, когда мы зашли с Игорем Андреевичем в мой кабинет.

Это был пробный камень – с каким настроением приехал «важняк».

– Не привык терять время на раскачку, – просто ответил он.

Ни в манерах, ни в словах не было ни тени превосходства, этакой столичности, которые не преминут выказать иные работники, прибывшие из Москвы...

– Ну что ж, – сказал я, – засучивайте рукава и, как говорили в старину, с Богом...

– Я готов.

– Вы в курсе дела Киреева?

– В самых общих чертах.

– Шмелев ознакомит вас основательно. С Николаем Павловичем еще не общались?

– Нет, не успел.

У меня на столе лежала местная газета с очерком о Шмелеве. Я дал ее гостю. Чикуров внимательно прочел очерк, вернул газету.

– Вы знаете, Игорь Андреевич, для нас эта публикация в какой-то степени праздник. Сами знаете, как в последнее время пресса пишет о нашем брате. Даже Генерального прокурора не жалуют...

– Гласность, – усмехнулся Чикуров.

– Но почему-то однобокая. Это... – ткнул я пальцем в газету, – исключение. А ведь есть отличные работники, которые заслуживают, чтобы о них знали люди.

Мне хотелось дать понять следователю из Москвы, как я отношусь к Шмелеву. Вопрос о нем тоже, видать, беспокоил Игоря Андреевича.

– Захар Петрович, я что-то не понимаю. – Чикуров снова взял в руки газету. – Судя по статье, Шмелев, как говорили раньше, маяк. Бери и представляй к ордену. Но как это все воспринимать в свете дела Киреева?

Честно говоря, я сам находился в довольно щекотливом положении.

– Поймите меня правильно, – продолжал Чикуров. – Да и не люблю я недомолвок... Откуда взялось, что Шмелев необъективен?

– Буду и я откровенен. Считаю, что обвинять Николая Павловича в предвзятости по этому делу нет никаких оснований.

– Жалуются?

– Жалуются, – кивнул я. – Но, по-моему, нам к этому не привыкать, ведь мы не деньги, чтобы всем нравиться.

– А сам Шмелев что? – допытывался Чикуров.

– Трудно ему. С одной стороны, после публикации в газете петъ бы да плясать от радости... Еще бы! Поздравления сыплются отовсюду. На улице узнают. Даже пригласили в пионерлагерь. Встреча с героем наших дней... А тут – недоверие. Вчера пришел мрачнее тучи.

– Из-за меня? – в лоб спросил Чикуров.

– А кому это было бы по душе? – вопросом ответил я. – Всю жизнь отдать следственной работе и получить такую оплеуху. Знаете, что он сказал, узнав о вашем приезде? Баба с возу – кобыле легче. Это он о себе. Честно говоря, я Николая Павловича просто не узнаю. Думаю, его можно понять.

Чикуров задумался. Надолго. И неожиданно спросил:

– А уж так ли необходимо отлучать Шмелева от дела? Ну прямо читал мои мысли!

– Господи, вовсе нет.

– Вот и отлично! Будем работать вместе. Работы хватит на двоих.

Чикуров снял гору с моих плеч.

– Я даже не уверен, что обойдетесь вдвоем. Как вы знаете, иное дело – что айсберг: главное под водой, – поддержал я предложение следователя из Москвы, но, чтобы выдержать субординацию, выдвинул свое условие: – Однако сделаем так: пусть Николай Павлович введет вас в курс дела, а потом, если решите его оставить под своим началом, я возражать не стану.

– Принимается, – кивнул Чикуров.

– Пойдемте к Шмелеву, познакомлю. Заодно покажу вам кабинет, который мы специально освободили для вас.

Николай Павлович встретил нас настороженно. Вид у него был неважный. Осунулся, посерел лицом. Еще буквально неделю назад ему никак нельзя было дать его шестидесяти семи лет, а тут сразу превратился в дряхлого старика...

Я представил следователей друг другу. Гость из Москвы был подчеркнуто вежлив и поздравил Шмелева.

– С чем? – буркнул Николай Павлович. – Что мне, ветерану, не доверяют?

– Я говорю об очерке, – сказал Игорь Андреевич. – Знаете, прочитав о себе подобное лично я не надеюсь.

– Эхе-хе, – тяжело вздохнул Шмелев. – Лучше бы не печатали вовсе. Насмешка получается.

– Ну вот что, – как бы не слыша его последних слов, проговорил Чикуров, – дальше будем работать вместе... Мы вот с Захаром Петровичем... – Он глянул на меня и запнулся. – Словом, коней на переправе не меняют. Поташим воз двумя лошадиными силами. Не хватит их – попросим подмогу. Обещали...

Шмелев слабо кивнул. А я-то думал, обрадуется старикан. Впрочем, трудно быть сейчас на его месте.

– Короче, с сегодняшнего дня поступаете под начало Игоря Андреевича, – сказал я, попробовав обратить все в шутливую форму: – Тем более он советник, а вы младший советник юстиции.

Николай Павлович даже не улыбнулся, только пожал плечами: мол, если начальство решило, он подчиняется.

– Значит, у нас нынче пятница, так? – по-деловому сказал Игорь Андреевич. – Сегодня и завтра засядем. Буду вникать в дело под вашим началом...

– Простите, Игорь Андреевич, – перебил я его, – почти все допросы сняты на видео.

– Отлично, – обрадовался Чикуров. – Просто здорово! Недаром говорят, лучше раз увидеть... Ну а уж с понедельника впряжемся.

Я хотел было оставить следователей наедине, но вспомнил о документе, пришедшем сегодня из Москвы, – забыл о нем, переживая, как выйти из сложной ситуации со Шмелевым.

– Игорь Андреевич – сказал я, – вы – везучий. Не успели ступить на южноморскую землю, как поступило одно письмецо. Думаю, это подарок для следствия.

– Подарок? – вскинул брови Чикуров.

В глазах Шмелева тоже промелькнуло любопытство.

Я позвонил секретарю, чтобы она взяла на моем столе письмо с сопроводительной Прокуратуры Союза и принесла в кабинет Шмелева.

– Знаете, чье послание? – обратился я к Николаю Павловичу. – Скворцова.

– А кто это? – полюбопытствовал Игорь Андреевич.

– Коммерческий директор нашего «Детского мира», – пояснил Шмелев и коротко рассказал, что именно с его показаний началось дело Киреева.

– Посидел Сковорцов в следственном изоляторе и написал Генеральному прокурору, – продолжал я. – Приглашает его на свидание. Обещает вывести на чистую воду всю южноморскую мафию.

– Так и назвал – мафия? – спросил Николай Павлович, качая головой.

– Да, именно так, – подтвердил я.

Первым ознакомился с посланием Сковорцова Шмелев, а потом уж передал Чикурову.

– Та-ак, – протянул тот, возвращая документ. – Значит, ждет в гости самого Генерального. Только ему откроется...

– Надо объяснить Сковорцову, что приезд Генерального – нереален, – сказал я. – Пусть считает нас его доверенным лицом. Ну а если Сковорцов не захочет излить свою душу мне и Николаю Павловичу...

– Почему не захочет? – перебил Чикуров.

– А вдруг заподозрил в принадлежности к этой самой мафии? – пояснил я и продолжил: – Так вот, в таком случае он вроде должен доверять вам. Как представителю Москвы.

Игорь Андреевич кивнул.

– Знаете что? – кисло проговорил Шмелев. – Увольте-ка меня от встречи со Сковорцовым. Я уже допрашивал его. Не раз и не два. Честно говоря, больше желания нету.

– А я предлагаю устроить перекрестный допрос и участвовать в нем нам всем, – сказал я, потому что шепетильность Николая Павловича показалась мне в данной ситуации неуместной. – Если же разговора не получится, тогда Чикурову карты в руки.

– Правильно, – поддержал меня Игорь Андреевич. – Прямо в понедельник и допросим.

Нигде я так не высыпался, как в моем родном Синьозере – большом селе, где я родился и где живет поныне моя матушка. Воздух здесь пьянящий, настоящий на росных травах. Он особенно бодрит, когда лето уже на исходе, а деревья в саду рдеют налитыми ядреным соком яблоками.

Первых петухов я проворонил и был разбужен хриплым лаем Шайтана – старого, как Мафусаил, пса.

– Кшишь ты, окаянный! – послышался за окном сердитый голос матери. – Гостей разбудишь...

Моя родительница была уже на ногах: встала по обычаю ни свет ни заря.

Ее гости – моя жена Галина, дочь Ксения (они тут две недели) и я, прилетевший вчера, чтобы побыть с родными пару дней – субботу и воскресенье. Засиделись за полночь. Но и четырех часов хватило, чтобы усталость многих месяцев отпустила. В жарком, душном Южноморске о таком облегчающем сне можно только мечтать...

Я распахнул окно, высунулся наружу. И дух захватило от красоты.

Синьозеро расположилось на возвышенности, и многие его улочки словно стекали к озеру с таким же названием. Окрестили его так не зря: вода в нем голубая-голубая.

Сейчас над озером стлался туман, что развеется под лучами солнца. Оно еще пока пряталось за дальним лесом. Слегка розовела лишь ободранная маковка церквушки, поставленной синьозерскими прадедами на самом высоком месте.

– Таки разбудил! – огорчилась матушка, увидев меня, и в сердцах замахнулась на пса, виновато нырнувшего в свою будку.

– И правильно сделал, – сказал я.

– Небось не высыпался, – переживала за меня родительница. – Вчера вона как поздно легли...

– А не ты ли меня всю жизнь учила, – напомнил я, – кто рано встает...

– Тому Бог дает, – закончила она с улыбкой. – И то правда, сынок. Только накинь что-нибудь. Утренники теперь зябкие, простынешь в одной майке.

И направилась к хлеву, где нетерпеливо пофыркивала Зорька, ее любимица и кормилица – пятнистая буренка.

Я поразился матушкиной походке: ей далеко за семьдесят, а как легок и быстр шаг. Не чета нашему поколению – к пятидесяти уже доходяги.

На меня напал зуд деятельности.

– Подъем! – громко крикнул я своим женщинам, безмятежно спавшим в теплых постелях.

Галина проснулась тут же. Сладко потянулась, одарив меня улыбкой, с которой так приятно было начинать день. А вот Ксения вставать не желала. Странная у нее была привычка – спать с головой под одеялом. Я легонько потянул за него, приоткрыв розовое со сна лицо дочери.

– Что, соня, тебя не касается? – пожурил я.

Она открыла один глаз и капризно протянула:

– Ну, папа-а-а... Дай еще немного поспать.

– Не дам! – делано грозно сказал я.

– У меня каникулы, – снова натянула на себя одеяло Ксения.

Мне стало жаль ее. Но вступила Галина:

– Как только приехал отец, сразу в капризы ударилась! Знаешь, что любит и потекает тебе!.. Вишь, каникулы у нее! А бабуля? Шестьдесят лет не только каникул – выходных не знала в жизни!.. А ну, марш умываться!

Суровый тон матери подействовал. Ксюша поднялась.

Каждому нашлось дело. Дом ожил.

Я сходил за водой к колодцу, а Галина заправской дояркой пристроилась к Зорьке, важно жующей пахучее луговое сено. Звонкие струи молока ударили в дно ведра. Как только будет выпростано тугое вымя буренки, Ксюша отгонит ее в стадо.

Матушка набросала поесть курам, деловито заработавшим клювами, потом задала корм борову, с довольным хрюканьем уткнувшемуся в деревянное корытце.

Знакомые до боли звуки словно воскрешали далекое детство.

Завтрака я дожидаться не стал – выпил кружку парного молока, облачился в рыбацкую униформу (старый костюм, кепка, резиновые сапоги), прихватил удочки и двинулся к озеру.

Уж кому-кому, а рыбаку Бог действительно дает только спозаранку.

У меня было заветное местечко, облюбованное еще пацаном. Надо было протопать все село, пройти небольшим ольшаником и спуститься к заливчику. Там поутру жируют караси, своими всплесками нарушая гладь воды. А за ними охотятся щуки. Поймать хитрую хищницу локтя в два – мечта каждого местного рыбака. Но такие удачи редки. О них долго толкует все село.

Я шагал по широкой улице, всей грудью вдыхая утренний воздух. Синьозеро оживало на глазах.

До чего же мило сердцу, когда каждый встречный тебя знает, спрашивается о делах, здоровье! В большом городе это невозможно. Людей много, а мы одиноки...

Я поравнялся с крайним домом. Со двора с лаем выскочила лохматая собачонка.

– Тузик, ты что, не узнаешь односельчан? – потрепал я его по загривку.

Песик вмиг замолк, стал обнюхивать мои сапоги, виновато виляя коротким хвостиком.

– Дурной он становится, – недовольно проворчал хозяин собаки, выходя на улицу и запирая на щеколду калитку. – Здорово, Петрович.

Это был синьозерский почтальон. Теперь уже на пенсии. Всю жизнь его помнил с тяжелой сумкой на плече. Он-то и принес матери похоронку на отца...

– Доброе утро, дядя Ваня, – ответил я.

Расспросив, как полагается, о жите-бытье, бывший почтальон поинтересовался:

– На щуку настрополился?

– Как повезет.

– А я на прошлой неделе знатную взял.

Пришлось услышать очередную рыбацкую легенду.

– А вы куда путь держите? – спросил я. Он держал в руках лучковую пилу.

– Как – куда? – удивился старик. – Разве Елизавета Ильинична тебе не говорила?

– Что именно?

– А то! Надоело на воскресные службы и святые праздники за десять верст в Александровку топать. Нешто у нас своего храма нет? – Он кивнул на обшарпанную церковь.

Я тоже невольно посмотрел на нее. Старик был прав: синьозерские верующие, в том числе и моя мать, чтобы помолиться, вынуждены были ходить в соседний поселок и в распутицу, и в мороз.

– А как же с колхозным добром? – спросил я, зная, что в здании храма давно уже располагался склад.

– Вчера сход собрали и постановили: всем миром построим новый склад, а нам вернут церковь. Уж сколько годов добивались!

– Да, боролись вы давно...

Вероятно, старику в моем голосе послышалось сомнение, потому что он с тревогой поинтересовался:

– А как тут с позиции закона?

– Если правление колхоза не против – все путем, – успокоил я бывшего почтальона.

– Все – за! Да и с чего бы это быть против? – обрадованно закивал он. – Новый склад отгрохаем, считай, задарма.

Со двора напротив вышла бабка Федора, в пестром платке и с лопатой в руках. За ней показался паренек в армейских штанах и гимнастерке без знаков различия. Сразу видно, демобилизованный. Он нес портативный магнитофон, оглашающий улицу лихим рок-н-роллом.

– Доброе утречко, – поклонилась нам старушка.

Бывший солдатик тоже поздоровался. Мы ответили им тем же.

– На субботник, стало быть? – осведомился у соседки дед Иван.

– А куда же еще, – гордо заявила та и скоро засемила по улице.

– Ну, Петрович, Бог в помощь, – заторопился и дед.

Мне стало стыдно: два старых человека будут трудиться в поте лица, а я, здоровый мужик, засяду отдыхать с удочкой...

Да и как не помочь хотя бы ради матери?

– Пойдите, дядя Ваня, – сказал я. – Возьмите в свою бригаду.

– Господи, – обрадованно встрепенулся бывший почтальон. – С нашим превеликим удовольствием!

Мы вместе двинулись к церкви, сопровождаемые возбужденным Тузиком, гоняющимся за курами.

– Что, он тоже верующий? – спросил я у попутчика, кивая на бывшего солдатика.

– А ты? – хитро посмотрел на меня дед Иван.

– Нет.

– Вот и Серега не верует. Но ведь это не помеха в сегодняшнем деле, верно?

– Не помеха, – подтвердил я.

– Ты не сумлевайся, Петрович, ныне на стройку выйдет много народу. И партийцы будут, и комсомол...

Убеждать меня не было нужды. Вернуть Синьозеру прекрасное здание (уверен, будь церковь где-нибудь в Москве, она охранялась бы как памятник архитектуры) – это и есть обращение к нашей памяти. Не на словах – на деле.

– Эх, возвернем храму былое благородие! – словно читая мои мысли, произнес дед Иван. – Да как ударим в колокола – сердце возрадуется! Ты небось не помнишь, какой благовест раздавался с нашей звонницы?

– Как не помнить, помню...

На меня нахлынули воспоминания. Одно из них до сих пор часто посещает меня.

Была осень. Ранние сумерки опустились на село. Школьные занятия окончились долгожданным звонком. Мы, стайка второклашек, вылетели на затихшую улицу. И вдруг тишину вечера нарушил церковный колокол. Его протяжные звуки улетели куда-то далеко, туда, где между черными тучами и темным лесом светилась полоска закатного неба.

Я остановился завороченный. Здесь кто-то погладил меня по голове.

Бабушка. В платочке на голове, с узелком в руке, она застегнула на мне телогрейку, поправила шапку.

– Ты куда? – спросил я.

– В церковь, – ответила бабушка, прислушиваясь к тягучему звону.

– Можно с тобой?

– Нельзя, Захарушка, – ласково сказала она. – Ты ведь октябренок. А октябрятам, пионерам и комсомольцам посещать церковь не разрешается. – Бабушка почему-то огляделась по сторонам с опаской и тихо добавила: – Я уж замолю твои грехи перед Богом.

– А учительница сказала, что Бога нет! – выпалил я, уверенный, что авторитет училки непререкаем и для бабушки.

– Для нее нет, а для меня есть, – без всякой обиды произнесла она и поторопила: – Беги до дому, нынче на обед щи с мясом...

Я помчался домой, потому что мясо в нашей избе было праздником.

Совсем недавно я вспомнил тот наш далекий разговор. Показывали телефильм о жизни академика Дмитрия Лихачева. Этот мудрый, блистательно образованный человек приоткрыл, по-моему, истину, которая волнует многих: «...никто не доказал, что Бога нет, как и то, что он есть. То и другое – вера»...

И все же я побывал с бабушкой в храме. Словно предчувствуя свою кончину, она взяла меня с собой ко всенощной.

Вечером, перед пасхальным воскресеньем, в синьозерскую церковь понаехало и пришло много верующих и просто любопытных не только из нашего села, но и из других окрестных деревень. Бабушка загодя напекла куличей, покрасила дюжины две вареных яиц и, завернув часть в чистый платок, отправилась со мной к праздничной службе. До сих пор стоит у меня перед глазами толпа притихших людей в храме, сияние иконостаса, мерцание сотен свечей, запах ладана, звучит в ушах глубокий, густой голос батюшки и многоголосье церковного хора.

Летом бабушку похоронили, и религия словно бы ушла из нашей избы. Мать даже убрала икону, висевшую в красном углу, перед которой всегда светилась лампадка.

Я не знаю, верила мать тогда или нет, – спрашивать неудобно. Скорей всего, атрибуты веры были припрятаны по тактическим соображениям. Потому что для верующих наступали все более суровые времена. Горячий стыд жжет меня по сию пору за то, что и я принимал участие в разорении храма.

Это было какое-то наваждение, коллективный психоз. Ну мы, двенадцати-четырнадцатилетние пацаны при красных галстуках, – куда ни шло. Несмышлениши. Но как такое могли творить мужчины и женщины, вроде бы не темнота, с образованием, пусть и небольшим? И свершалось все в ясный, солнечный день, кажется, на майские праздники, если не ошибаюсь.

Подростки, в том числе и я, крушили церковную ограду, а взрослые мужчины принялись за крест на маковке. Он не поддавался. Тогда его обвязали веревкой и зацепили за трактор. Тронулась железная машина, натянулась веревка, и только тогда крест был повержен на землю,

вырвав с собой куски позолоченной кровли луковицы. И все это – под ликование одних и немой ужас других. Последних было куда меньше. В основном – старики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.